

ЧЕРЕШНЯ НА СНЕГУ

АНАСТАСИЯ САЛВЕРИС

18+

Анастасия Салверис

Черешня на снегу

«Автор»

2026

Салверис А.

Черешня на снегу / А. Салверис — «Автор», 2026

Чтобы остановить войну, нужно заплатить цену. И порой эта цена — чужая судьба. Принцесса Иллира стала откупом для кровавого тирана — императора Келиора, чьего имени боится весь континент. Ей пророчили участь бесправной игрушки, тихой и покорной. Вот только южная кровь не умеет склонять голову. Особенно если она смешана с кровью тех, кого он ненавидит больше всего на свете. Тех, кто убил его брата. Иллира не станет спорить с судьбой — она перепишет ее под себя. И раз ей суждено стать женой императора, она займет трон на равных с ним. А если Демон Пустошей вздумает сопротивляться что ж, тем опаснее и слаще будет эта игра.

© Салверис А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Часть 1. Солнце в Зените	7
Глава 1. Иней на лепестках	7
Глава 2. Полынь и дикий мед	13
Глава 3. Шепот гибкого тиса	20
Глава 4. Лен под серпом	26
Глава 5. Бокал с черной каллой	32
Глава 6. Гнилые ветви	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анастасия Салверис

Черешня на снегу

Пролог.

В южный лес никогда не приходит настоящая зима. Не знают плетёные оливы морозов, не ведают стройные кипарисы стужи. И всё же лес знает про холод из человеческих душ. Из тех их мрачных уголков, где рождается ложь, гордыня, алчность. Лес видит её острыми топорами, жадным огнём и смертью своих детей. Лиорнов.

Здесь, во чреве леса, был рождён народ, в чьих венах течёт не кровь, но древесный сок. Чьи тела и души изящны и гибки. Сognёшь — не сломаются. Придавишь — приспособятся.

— Я не виновен!

Лес слышал крик человека, а лесной народ видел в человеке гниль. Гнилую ветвь нужно отрубить сразу, иначе она испортит всё дерево.

Южный лес не знал зимы, но сегодня он был холоден, как никогда. Могучие деревья сплели свои ветви, пропуская лунный свет на влажную поляну, поросшую мхом и можжевельником, лишь тонкими пуховыми нитями. Лес гудел шёпотом своих детей. Они сгрудились вокруг того, кто на коленях стоял в центре. Того, кто кричал. Того, чьи глаза прямо сейчас были наполнены ужасом перед истинной силой природы.

— Ду лэ трэсит та ли'орнэ, шэ стрээш, — монотонно проговорил глава общины, набирая можжевельных ягод прямо из-под ног. Человек, которого держали на коленях, пытался вырваться из цепких рук лесного народа. Но несмотря на их рост, они были крепкими, словно корни. Его некогда дорогие одежды изорвались, теряя лоск и смысл в этом месте.

— Шэ стрээш, — шёпотом прокатилось по лесу. Каждый лиорн согласился с участью этого человека. Они смотрели на него своими светлыми глазами, что ловили редкие блики луны и, казалось, светились в темноте. Точно болотные огни или стая голодных хищников.

— Шэ стрээш! Ду ларе дэ к'риэхтэ, — холодно произнёс глава, и держащий вельможу лиорн заставил того раскрыть рот. Ладонь главы перевернулась над лицом человека, и в раскрытую челюсть посыпались ягоды. Лiorны подходили и подавали ещё. Те, кого он обманул, те, кого он предал, те, кого он обидел. — Дэ к'риэхтэ сотээс шахтэр! — прошептал лиорн, когда его рука опустела, и накрыл ею лицо мужчины.

Тот ещё пытался кричать, но можжевельник быстро прорастал, ведомый магией лиорнов, и вскоре запечатал его горло навсегда.

— Как переводится последняя фраза, лисичка? — раздался тихий вопрос наставника прямо над плечом единственного человека, стоявшего вместе с лиорнами. Она была так же мала и не выделялась среди остальных. Разве что глаза её были карими, а вовсе не светлыми, как у истинных детей леса.

— Нет прощения лгущим языкам, — тихо проговорила она, сжимая до белых костяшек пальцев свой кулак. Ей было всего двенадцать, и она впервые видела обряд «Немой смерти» своими глазами. Она нутром чувствовала справедливость этого страшного и дикого суда.

— Верно. Ложь всегда приносит только боль, — тяжёлая рука наставника легла на её хрупкое плечо. — Запомни, лисичка, ты никогда не должна лгать. Смотри на него и помни: нет прощенья лжи.

— Нет прощенья лжи, — шёпотом повторила девочка, не отрывая глаз от веток, торчащих из горла уже мёртвого вельможи.

Лес начал медленно растворяться, повинаясь законам сна, и сменяться рассветом в комнате принцессы Иллиры.

— Нет прощенья лжи, — пробормотала принцесса, едва открыв глаза.

— Ваше высочество, доброе утро, — почти сразу отозвалась её личная лиорна. — Сегодня приезжает Император, Ваше высочество. Нам нужно готовиться.

— Да. Нам нужно готовиться.

Часть 1. Солнце в Зените

Глава 1. Иней на лепестках

Будуар принцессы Иллиры Фирон наполнился деликатными шагами умелых служанок, что купали её, расчесывали и одевали к встрече с важным гостем. Воздух ещё хранил запах утренней свежести из открытого окна и цветущих ветвей апельсина, что, как всегда, принесли ей слуги взамен вчерашних. Но в эту привычную для принцессы свежесть уже начал вползать почти удушливый сладкий жасмин. К вечеру от него будет не спрятаться.

Когда последний локон был расправлен, а служанки, низко склонившись, отошли на почтительное расстояние, Иллира наконец подняла глаза на своё отражение. Не чтобы полюбоваться собой. Отнюдь. Чтобы убедиться, что она выглядит достойно императора.

— Джина, останься, остальным большое спасибо, вы свободны, — спокойно, с мягкой, чуть покровительственной улыбкой произнесла принцесса, и, лишь когда дверь за последней служанкой была закрыта, её гордые плечи опустились, а из горла вырвался судорожный выдох. Руки, совсем не аристократично мозолистые от стрельбы из лука, сжались в тесные кулаки. Она смотрела в зеркало и видела не себя, а безупречный подарок для Демона Пустошей. Как же ей сейчас хотелось порвать это платье, расцарапать себе лицо или сделать еще какую-нибудь глупость, чтобы стереть эту безупречность. Подпортить подарок.

Воздух вокруг принцессы начал сгущаться и словно закручиваться грозовой тучей, плавно поглощая в её бессильную ярость золочёный будуар. Пока её сжатого кулака не коснулась холодная, жёсткая, как дерево, ладонь лиорны.

— Не надо, Иллира, не трать себя, — тихо произнесла девушка, и принцесса силой воли заставила себя разжать ладонь. Она и так оставила на ней четыре синих полумесяца от ногтей.

— Ты права, Джина. Я буду... осторожнее, — нашла она слово и повернулась к дитя леса. Джина была на голову ниже принцессы, её торчащие волосы цвета дубовой коры всегда немного трепетали, точно крона, а голубые глаза сияли, как небо в полдень. — Ты хорошо подумала? Точно поедешь со мной? — в голосе принцессы сквозило неприкрытое беспокойство. Она одновременно боялась, что лиорна отправится с ней туда, где такие, как она, считаются рабами, и эгоистично опасалась, что она останется тут.

— Без меня вы не проживёте и пяти лет, — с дерзким взглядом ответила девушка, и Иллира облегчённо выдохнула. Значит, там, на севере, у неё будет хотя бы одно родное лицо, хранящее в своих глазах южное небо.

— Спасибо, — искренне прошептала она и, подавшись вперёд, крепко обняла лиорну.

Вскоре за принцессой прислали, и она в сопровождении Джины направилась в пёстрый зал. Так его называла сама Иллира. Вообще-то этот зал назывался приветственным, место, где они обычно встречали иностранных послов и почётных гостей. К кому относить оккупанта, что за восемь лет подчинил себе почти две трети континента, она пока не понимала. Ритмичные белые колонны, закрывающие пышный сад справа от неё, сейчас напоминали прутья клетки. Она старалась не смотреть на зелень и цветущие звёзды жасмина, но не смотреть не получалось. Каждый раз в саду она чувствовала себя странно. Вроде природа, живая и настоящая, а при этом выверенная, как по линейке. Иллира видела в этом саду слишком точное отражение себя.

Вскоре пролёт закончился дверьми в тёмный коридор, лучом уводящий их вглубь замка, туда, где в великолепии витражей, словно шкатулка, переливался нужный ей зал.

— Принцесса королевства Шантэлир, герцогиня Верхних Пируальских угодий и лесов Ривенхилл, её королевское высочество Иллира Фирон! — громко объявил мажордом, и тяжё-

лые деревянные двери в три её роста медленно открылись, явив низко склонившимся в поклоне подданным их принцессу.

Платье из шёлка и муслина струилось каскадами водопадов, спадая с плеч и обнажая изящные ключицы. Пышные, почти прозрачные рукава были подхвачены широкими и плотными манжетами. Золотая вышивка плела узоры по ним и по полам расходящейся в две стороны, как лепестки причудливой каллы, верхней юбки. Нижняя была глубокого коричневого цвета. Словно ствол, выглядывающий из-под пышной, богатой кроны.

Каштановые волосы принцессы, что волнами спускались по спине, венчала золотая тончайшая диадема с ярко-зелёными изумрудами.

— Моя прекрасная дочь, — негромко произнёс король, стоящий на возвышении и спускающийся к ней. Король Элуор Фирон был воплощением южной аристократии. Её венцом, но, увы, годы брали своё, и камни в этом венце понемногу тускнели. Он был среднего роста, жилистым мужчиной, носящим дорогие ткани, десятки колец и тяжёлый парфюм. Настолько тяжёлый, что стоять рядом с ним через какое-то время для Иллиры становилось невыносимо. Его карие глаза цепко оглядели дочь, не выражая ничего, кроме обеспокоенности упаковкой товара. Сделка должна была пройти так, как он привык. То есть в его пользу. Он протянул свою увешанную перстнями руку и коротким, лишённым всякой отеческой нежности движением поправил складку на её рукаве.

Иллира смотрела на него с каменной маской доброжелательности на лице. Лишь остывшие, как земля под инеем, глаза показывали, насколько ей противны его прикосновения.

— Не волнуйтесь, ваше королевское величество, товар в порядке, — холодно произнесла Иллира и, не задерживаясь более, встала на своё место. Она поднялась по мраморным ступеням и повернулась корпусом к двери, отчего шлейф её изумрудного платья лёг хвостом райской птицы, коей она себя сейчас и ощущала. Такой же безвольной и служащей тем же целям. Улада для глаз.

Руки снова сжались в кулаки, но лишь на миг. Нужно было достойно встретить гостя. Ей могло быть плевать на отца, но она ни за что не посрамит честь своей страны.

Тишина в зале стояла звенящая. Тяжёлая и удушливая, как запах цветов и мускуса. Иллира впивалась своими карими глазами в дверь и ждала его. Она боялась. Кто не боится Демона Пустошей? Говорят, он холоден, как лёд, а глаза его всегда налиты кровью.

Иллира слышала шепотки о ночи Алого снега. Той самой ночи, после которой молодой император вззошел на трон. Мальчишка, которому тогда не было и двадцати пяти, вырезал половину знати и, искупавшись в их страданиях, надел корону.

Чудовище.

В глубине коридора раздались резкие чеканные шаги. Сталь билась о мрамор. Мажордом не успел озвучить его имени, император просто распахнул двери сам с такой силой, что они лязгнули о стену, разбивая и без того хрупкое самообладание некоторых подданных юга. Словно он был хозяином в этом доме и не нуждался в представлениях. Люди не поднимали лиц, и, казалось, всю знать, точно траву, прибило морозным ветром. Иллира же глаз не отводила. Не позволила себе трусливо спрятаться. Она принцесса Шантэлира, и это её дом. Но он — император Келиор Вейнберг, а значит, берёт то, что пожелает сам.

Он вошёл в сопровождении всего двух стражников, чёрными тенями следующих за ним. И сам он был облачён в чёрное, будто хранил копоть своих походов на груди. Высокий, широкоплечий, хищный. Не такой огромный, как ей рисовало воображение, и всё же в этих доспехах из северной чернёной стали он выглядел более чем внушительно. Крупные, заострённые наплечники, тёмно-красный, почти чёрный плащ и оскаленная волчья морда на нагруднике. За спиной, пересекая его тело по диагонали, висел двуручный палаш.

«Интересно, если сделка не состоится прямо сейчас, в этом зале вообще кто-нибудь выживет?» — пронеслось у Иллиры в голове, и от этой мысли она заставила себя перестать рассматривать доспехи и наконец посмотреть судьбе в глаза.

Алые провалы на неестественно бледной коже. Не глаза, а раны от стрел. Ягоды спелой черешни на снегу. Суровое и застывшее лицо с острыми чертами обрамлено белыми волосами, собранными в низкий хвост и спускающимися куда-то за спину.

Он был здесь не просто чужим. В этом нелепом на его фоне, цветастом от витражей и знати зале он выглядел как... смерть. Сожжённое дерево в саду. Дерево, в которое когда-то попала молния, и теперь оно стоит посреди пышущего здоровьем богатства. Могучее, но мёртвое.

Пока Иллира рассматривала своё будущее, пытаясь понять, что оно ей сулит, Келиор медленным, но неумолимым шагом, грохотом, разлетающимся от стен, шёл вперёд. Прямо к их с отцом помосту. Он не смотрел на склонившуюся знать, не восхищался красотой витражей и лепнины. Он шёл заключать сделку.

Келиор скользнул взглядом по королю Фирону, что сейчас стоял, напряжённо сжимая в руках свои маленькие изящные чётки, которые всегда носил на поясе. Коротко, небрежно кивнул ему, приветствуя так, как положено приветствовать не равного себе, а своего вассала. Наместника на вверенной ему земле.

А потом его взгляд переместился на саму Иллиру. Он смотрел на неё не как мужчина смотрит на женщину. В алых глазах не вспыхивал интерес, взгляд не задерживался дольше положенного на обнажённой тонкой шее, на полупрозрачных рукавах, на каштановых локонах. Он просто оценивал товар. Цену мира. Хрупкую печать на их договоре. Было даже непонятно, доволен ли он в итоге увиденным или нет. Это раздражало. Это снова напоминало Иллире, что её отдали ему как скот.

Ответный взгляд принцессы был спокойным и уверенным, на её лице сияла сдержанная, приветливая улыбка, как и положено августейшей особе. Весь свой страх перед ним она словно сжала в кулак и позволила ему разлиться льдом очень глубоко в теле. Она была дома. Она была на своей территории. И она не собиралась трястись перед северным солдатом. Даже если он называет себя императором. Даже если он им и является. Даже если она на самом деле боится. Иллира, в отличие от своего отца, осмеливалась смотреть в глаза своему страху. Она прекрасно знала, что нужна была ему живой. Ей скорее нужно было спрятать ярость. Но ярость принцессы прятать умела: придворные дамы и учителя хорошо научили её скрывать истину под маской нежной доброжелательности.

— Король Фирон, — произнёс он, пронзая эту густую тишину своим голосом. Низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой, как хруст снега, который Иллира видела лишь однажды. Он по-прежнему смотрел на принцессу, несмотря на то, что обращался к королю. Его тонкие губы вдруг изогнулись в лёгкой усмешке, будто в ответ на её доброжелательную гримасу. — Так вот она какая, цена мира, — алые глаза вонзились в карие. Он ждал её ответа. Наверное, он хотел увидеть покорность в её взгляде? Хотел убедиться, что его трофей не доставит ему хлопот. Увы, принцесса Иллира покорной быть не собиралась. А уж после того как он пренебрёг всеми мыслимыми и немыслимыми нормами, столь пренебрежительно отнесся к её стране, молчать она точно не станет.

Иллира всё с тем же лицом сделала изящный книксен. Не поклон, не реверанс, а лишь книксен, подчёркивая то, что они находятся на равных. И будут находиться на равных впредь. И, глядя прямо в глаза будущему мужу, мягко и почти тепло произнесла:

— Приветствую вас на землях Шантэлира, Император, — она словно специально подчеркнула имя своей страны. Пусть не такой большой и грозной, как Империя, но гордой и идущей на мир не из трусости.

Голос принцессы разлился по колоннам и витражам чистым и спокойным звоном. Ни капли страха или сожаления. Только эта тёплое, приветливое выражение. Словно он и правда почётный гость, а не... Келиор. Она была не испуганной ланью, но кошкой, что умело прятала когти. И, судя по тому как чуть сузились его глаза, императора это раздражало. Он сделал ещё один шаг вперёд, всё ещё оставаясь в тени и не заходя на залитую полуденным солнцем лестницу, и холодно дернул уголками губ, не сводя взгляда с принцессы.

— Очаровательно, — медленно протянул он, словно вытягивая яд из зубов пируальской гадюки. И слово-то какое использовал, точно специально пытался унижить её. Свести её дипломатию, напугавшую подданных своей дерзостью, в детскую забаву, не стоящую внимания по настоящему серьёзных мужей. — Но позволь мне внести ясность, принцесса, — продолжил он. — Это мои земли. С этого дня. Твой отец позаботился об этом, — он проигнорировал её улыбку, её книксен и даже её тон. Он вырвал лишь контекст. Сердце её страны, чтобы заменить его на винтик в механизме под названием «Империя Вейнберг». Под доброжелательностью Иллиры едва ли не до скрежета стиснулись зубы. Её раздражало то, что он чувствовал себя здесь хозяином. Но ещё больше её раздражало, что так оно и было.

Его взгляд скользнул от карих глаз Иллиры к таким же карим, но будто чуть выцветшим глазам короля и обратно. Словно сравнивая их и пытаясь понять, насколько похожа на своего слабого отца его дочь. Как далеко упало это яблоко от своей яблоньки? И, судя по тому, что он видел, яблонька явно стояла на холме возле реки, в которую с размаху и плюхнулся дерзкий плод, уносясь так далеко, что и не догонишь.

— Твоя вежливость похвальна, но излишня. Я пришёл сюда не любезничать, а заключать договор, — он демонстративно развернул корпус к королю, словно отсекая принцессу от их мужского разговора. От разговора двух настоящих правителей, а не... дарёной птички. Её бесило то, как он себя вёл, и эта ярость вытесняла всякий страх, что сковывал её ещё полчаса назад. «Да как он смеет переходить на “ты” и отворачиваться от меня?»

— Она здорова? Не имеет пороков? — от этого грубого вопроса в зале повисла звенящая тишина, словно разом выдуло весь воздух. В этой тишине Иллира услышала, как скрипнули её зубы. Как он смеет! — У меня нет времени на сюрпризы. Подготовка к отъезду начнётся на рассвете. Мы отправляемся в Вейнхольд через два дня, — он вновь скользнул по принцессе взглядом, и в нём не было ничего, кроме спокойного пренебрежения. Он не спрашивал, он информировал. Отдавал приказ так, как привык в своей армии.

Зал притих. Вельможи, ещё ранее напуганные дерзким ответом Иллиры, старались даже дышать через раз, ожидая, что выкинет южный цветок в ответ на такое пренебрежение.

«Вот, значит, как» — пронеслось в голове у принцессы. «Решил объявить меня вещью и забрать, словно чемодан, тогда, когда тебе удобно. А документы-то надо читать лучше». Улыбка на её губах стала чуть злее, самую капельку. Ещё вежливо, но уже заметно, что что-то не так.

— Мы отправляемся через неделю, — твёрдо и уверенно сказала принцесса, не отводя взгляда от жёсткого профиля императора. Тот медленно повернул голову. — Мне нужно попрощаться с родной землёй и собрать необходимые вещи, — она сделала шаг вперёд, спустившись на одну ступень, показывая, что не боится его. Шаг прямо в яркое пятно солнечного света. Келиор прищурился. «Злится» — решила принцесса, и это придало ей ещё больше уверенности. — В договоре точно прописана дата отъезда, и она не через два дня, — Иллира слегка вздёрнула подбородок и добавила: — Внесём, так сказать, ясность.

В зале и без того было тихо, а сейчас же казалось, что этой тишиной можно было пытаться. Алые глаза смотрели на неё так, словно прикидывали, не проще ли будет срубить эту симпатичную буйную головушку прямо сейчас, вместо того чтобы везти её через полконтинента домой?

— Договор, — протянул Келиор так холодно, словно забрал с собой все ветры пустошей разом и сейчас влил их в это любимое её отцом слово. — Договор — это лишь моя уступка. Он

мешает моей армии прямо сейчас зайти в столицу и разобрать её по камню, сжигая твоих людей у тебя же на глазах. Договор — лишь досадная помеха между моими волками и твоей шеей. Не путай уступку и обязательство, принцесса, — его голос, такой тихий и вкрадчивый, ледяными шипами вонзался в плоть и уходил куда-то под кожу. Добирался до самого сердца. Он не делал шаг ближе, не нарушал её солнечного круга. Но они оба знали, что она всё ещё находится на расстоянии одного взмаха его палаша. И он точно успеет, если пожелает, расторгнуть договор самым быстрым и верным способом.

— Но ты права, — вдруг продолжил он, когда, казалось, этот давящий холод стал почти болезненным. — Там действительно указан срок в семь дней. Мелочь, которую я посчитал незначительной. Но раз моя невеста желает, — на его бледном лице расцвела хищная ухмылка. Наверное, именно с такой он когда-то захватил трон и подчинил себе предыдущие шесть королевств. — Ты получишь свою неделю. Наслаждайся последними днями в этой... теплице. Прощайся, собирай свои безделушки, — он обвёл насмешливым взглядом зал, и, казалось, собирался уходить, но Иллира кожей чувствовала это повисшее в воздухе «но». — Но помни, что каждый день из этой недели моя армия будет стоять у твоих ворот. Каждый день они будут есть припасы, что могли пойти в твои закрома. Каждый день оскаленная пасть волка будет смотреть на южан с моих знамён. Смотреть и напоминать, что их принцесса цепляется за прошлое. Твоя неделя сентиментального прощания со своей родиной станет неделей ужаса для твоих же людей. Так что да, мы остаёмся. Неделя и ни часом ранее, потому что я так позволил.

Келиор резко развернулся, мазанув плащом по яркому солнечному пятну, на миг ослепив замершую принцессу. Он заканчивал разговор, уходя из зала и на ходу отдавая распоряжение королю Фирону: — Обеспечьте мою гвардию провизией. Мы располагаемся в восточном крыле дворца.

Тяжёлые шаги императора и двух его молчаливых гвардейцев ещё долго затихали вдали коридора. Будто раскаты грома от уходящей в сторону грозы.

Это ощущалось как пощёчина. Теперь, если она согласится поехать раньше, он поймёт, что её можно продавливать и вся её смелость яйца выеденного не стоит, а если, наоборот, будет торчать тут всю неделю, то её народ будет сотрясаться от страха. Что же делать?

Люди в зале спешно уходили прочь, словно пытаясь сбежать от гнетущей атмосферы, что принёс с собой этот страшный человек с севера.

— Ири, — вдруг раздался бархатный голос её кузена, герцога Кассиана. Так её называл только он. Касси был молод, красив, по-южному подтянут и по-щегоольски небрежен. И всё же с ней он вёл себя осторожно. Ведь Иллира дружила с ним с самого детства. Он знал про её тайны и даже давал первый раз пострелять из лука. Вот только в последние лет пять отношения с Кассианом не ладились. Он сватался к ней, но принцесса не видела Касси своим супругом. Он мог быть рядом как её советник или просто как хороший друг, но ему этого явно было мало. — Послушай, — осторожно вырвал он её из раздумий и, слегка придержав за локоть, отвёл немного в сторону, словно отворачивая от зала и от отца. — Тебе нужно бежать, лисичка, Демон погубит тебя. Ты видела, как он на тебя смотрел, будто кусок мяса оценивает? — Да, тут кузен был, пожалуй, прав. Взгляд у Келиора был тяжёлый, и всё же что-то в нём цепляло. Может, чистота? У южан глаза часто мутные, а у него... — Давай сбежим вместе, — горячо зашептал он, и Иллира наконец подняла удивлённые глаза, пытаясь разглядеть в пыльных радужках кузена хоть каплю благоразумия. — Я буду оберегать тебя, буду защищать от всего на свете. — Иллиру стало слегка подташнивать. Точно рядом что-то стухло, и этот запах ещё не ощущается носом, но тело уже начало реагировать. — Ты только представь, что будет, если Келиор узнает твой секрет, Ири! — Кассиан схватил её за плечи, и по её телу прошла волна отвращения. Это явно было неспроста.

— Хватит, Касси! — оборвала она его, сбрасывая тонкие пальцы с плеч. — Во-первых, это не такой уж и секрет, а во-вторых, никто и не подумает рассказывать об этом северянину,

кроме тебя, — она сделала полшага ближе и почти прошептала ему в лицо: — Ты ведь не станешь меня предавать, верно?

— Конечно, не стану, — тошнота стала почти невыносимой, и девушка, прикрыв рот рукой, не смогла сдержать лицо, сведённое судорогой. «Лжёт? Нет, скорее всего, просто переутомилась...» К ней тут же подошла её верная лиорна. Стало чуть легче.

— Иди, Кассиан, спасибо, что хотел меня спасти, но я хочу спасти в первую очередь свой народ, — она вернулась на своё место.

В зале остались лишь приближённые и отец, что тут же схватил дочь за предплечье и зашептал так, словно по осенней листве поползли змеи.

— Иллира, для чего это было нужно? Зачем было злить Императора? — она брезгливо вырвала руку.

— Ну, кто-то же должен помнить о своём достоинстве в этом доме, отец, — сухо ответила она и прикрыла глаза, отстраняясь от разлитой по залу паники, от шёпота дворцовых советников, от лихорадочных шелчков драгоценных счётов её отца.

«Думай, думай... Как превратить эту неделю не в неделю ужаса, а в неделю прощания... Праздника...» — в голове Иллиры с тихим шелчком родилась потрясающая, как ей казалось, идея.

— Мы примем имперцев как добрых гостей, — сказала она, острой стрелой вонзаясь в это трясущееся тело повисшей тишины. — Лорд Диэлэр, — подозвала принцесса, не спрашивая ни разрешения, ни совета. К ней подошёл старый казначей. Высокий, точно изюм, мужчина с редкими, собранными в хвост, волосами и очень цепким взглядом, направленным сейчас на принцессу поверх очков. — Организуйте празднество в столице. Эту неделю мой народ будет провожать принцессу и встречать новый мир. Мы покажем, что имперцы — не захватчики, а теперь наши добрые соседи.

— Но на какие средства? — перебил король, на мгновение перестав стучать счётами. Иллира улыбнулась. Не тепло и приветливо, как улыбалась Келиору, удерживая маску доброй хозяйки, а почти коварно, хищно.

— У меня есть своя казна, мои украшения и всё моё имущество, — объяснила она казначею, а потом обернулась к королю и, не скрывая презрения, добавила: — Я поеду в империю нищей, с двумя сменными платьями и своей личной лиорной Джиной. Всё остальное идёт на праздник, — бросив на отца последний взгляд, она вернулась к лорду, чтобы закончить с делами. — Также отправьте средства в каждую из пяти провинций. Прощальный подарок.

— Но люди не примут имперцев, — осторожно заметил кто-то из вельмож.

— Нет, если мы просто заявим, что они теперь наши друзья, — уверенно ответила принцесса и, спускаясь с помоста, продолжила: — Но мы сделаем иначе. Я сама выйду к имперским солдатам с провиантом и приглашением на праздник. Раз император не захотел стать моим другом, я стану другом всей его армии. Зайдём с тыла, с добротой и лаской.

Казначей смотрел на неё со смесью гордости и восхищения. Он видел перед собой не забитую птичку, которую отдали на потеху мужчине, а женщину, что способна перевернуть игру. Это видели и оставшиеся в зале вельможи.

— Немедленно всё подготовить и доложить мне! — закончила она и, не одаривая отца даже мимолётным прощальным взглядом, направилась прочь из зала.

Игра началась, и она готова была вести эту партию на равных.

Глава 2. Полынь и дикий мед

В кабинете кронпринцессы Иллиры было привычно тихо и прохладно. Она внимательно следила за тем, чтобы воздух в рабочем пространстве не застаивался, не мешал своей удушливостью и без того сложным, давящим процессам. Неизменными были лишь цветущие апельсиновые ветви. Их запах успокаивал Иллиру. Жаль, что на севере их будет не достать. На большом дубовом столе царил рабочий порядок, который любой принял бы за хаос. Пергаменты, возвышающиеся горой на углу стола, перья, горящая свеча и брусок сургуча, уже подплавленный с одной стороны. На расправленной карте королевства Шантэлир, разделенной на пять регионов, были отмечены лагеря имперцев, о которых ей уже успели доложить. Неизвестно еще, о скольких лагерях она не знает. Рядом стоял отвар укрепляющих трав, которые ей сейчас были просто необходимы после такой тяжелой встречи.

Перед ней лежали документы, описывающие всё её имущество и земли, которые она прямо сейчас спешно подписывала на продажу. Она и правда не оставляла себе ничего. Деньги нужны были как её народу, которому она отправит подарки, так и имперцам, которых она прокормит за свой счет.

В столице планировался праздник в честь отъезда любимой кронпринцессы, но никто не считал имперских солдат, никто не собирался кормить простых крестьян и разливать пиво и эль на площадях. Именно на это и шли личные сбережения Иллиры.

— Джина, — подозвала принцесса к себе свою верную служанку. — Передай это лорду Диэлэру, пусть немедленно отдаст распоряжение собирать обоз в ближайший лагерь. — Лиорна приняла письмо и уже засобиравалась бежать. — Стой. — Иллира подала второе письмо, также скрепленное её перстнем. — По дороге зайди к капитану Риссэну, передай, чтобы он внимательно проследил за гвардией в городе. Никакого стального оружия. Имперцы не должны чувствовать себя на мушке и...

Дверь в кабинет резко распахнулась, с грохотом ударив по стене. Император. Кто же еще мог войти в святая святых Иллиры столь бесцеремонным образом? Принцесса вздрогнула, но даже не подняла глаз, по-прежнему глядя в свой недописанный пергамент. Лишь капля чернил, упавшая с кончика пера и испортившая документ, заставила её медленно выдохнуть.

— Иди, — коротко отправила она девушку, понимая, что время не на её стороне, и только после этого подняла глаза на Келиора. За ним чуть поодаль и с немного отстраненным видом стоял рослый, крупный, как медведь, мужчина с темными волосами и кустистой бородой. На его лице лежал уродливый шрам, пересекая пустую глазницу, которую воин даже не пытался прикрыть или спрятать. По этому шраму Иллира его и узнала — Борин, военачальник и приближенный Келиора. — В Вейнхольде, вероятно, очень крепкие двери и стены, учитывая, как вы любите ими хлопать, мой Император, — голос Иллиры был спокойным и даже приветливым, хотя и уставшим. Как и улыбка. Маска сидела безупречно. — Вы не против выйти на балкон? У вас ко мне, вероятно, появился разговор, а я устала сидеть за столом, — не дожидаясь ответа императора, Иллира поднялась и прошла мимо.

На залитом солнце балконе, выход на который был прямо из кабинета кронпринцессы, было свежо и тенисто от раскидистого плюща. Девушка прошла к перилам и, опершись на них, стала ждать, когда за ней раздадутся тяжелые шаги северянина.

Тот не стал медлить. Побег на балкон был не просто капризом уставшей девушки, а тактическим маневром принцессы, чтобы появилось время успокоиться и обдумать происходящее. Ярость императора выдавали его тяжелое дыхание и та атмосфера, что разливалась от каждого рваного движения. Очевидно, ему очень не понравилось, что его наказание превратили в праздник. «Что же, дорогой жених, ты начал первый». Тяжелые шаги замерли аккуратно

за ее спиной, так что Иллира чувствовала его присутствие кожей, но всё еще было в рамках приличия. Хотя было удивительно, что этот человек вообще мог их соблюдать. Он положил руку на перила балкона и сжал их так, что кожа на его перчатках опасно натянулась, норовя лопнуть от напора. Вместе с камнем под ней.

— Что всё это значит, принцесса? — негромко начал он, и от его голоса по хребту пробежали мурашки. Каждое слово было будто вымочено в яде и обвалено в иглах дикобраза. — Представление для черни? Решили распродать свои побрякушки и купить за кусок хлеба любовь народа напоследок? Или, может, — он наклонился ближе, практически заключая её в свое тяжелое присутствие, и по коже девичьего плеча мазнула белая прядь, — Вы хотите купить моих солдат?

Император сделал еще полшага вперед и встал рядом, оставаясь в глубокой тени плюща, но теперь имея возможность смотреть прямо в лицо своей собеседницы.

— Очень умный ход, принцесса. Вы решили: раз не можете совладать с вожакom, то приручите стаю. Накормите их, напоите, обогреете ласковым словом, которого они от меня не слышали. Быть может, они даже начнут вилять хвостами, когда вы проходите мимо, да? — он наклонил голову набок, словно пытаясь разглядеть под безупречной маской августейшей особы истинное лицо. Движение было плавным, хищным, почти звериным. — Вы правда верите, что верность моих псов можно купить за булку хлеба и кувшин эля? Или вы просто пытаетесь пустить пыль в глаза?

— Ни то, ни другое, — спокойно, слегка задумчиво ответила Иллира, не оборачиваясь и продолжая любоваться этим голубым небом и этим городом из тени своего балкона. Словно императора тут и не было. Ей нравился этот вид. Не просто так балкон её кабинета выходил не во внутренний двор, как у отца, а туда, где сияла её столица. — Я лишь хочу показать своему народу, что имперцы не звери, — продолжила она. — А ничего не сближает лучше, чем совместно выпитая кружка эля, — принцесса наконец повернулась к нему и посмотрела прямо в глаза. Она готовила еще один удар, и ей было искренне любопытно, как именно на него отреагирует Демон.

— Я собираюсь навестить вашу армию, — с тихим спокойным лицом сказала принцесса таким тоном, словно сообщая, что хочет провести старых друзей. — Привезти им провиант, пригласить на праздник. — Император не выражал никаких эмоций, и Иллира выдала то, ради чего и заикнулась о походе: — Не хотите составить мне компанию? — Келиор замер. Его бесцветные брови чуть нахмурились, а в глазах застыл невысказанный вопрос. А то и не один. И эта простая, но честная реакция на миг заставила Иллиру взглянуть на кровавого тирана иначе. Слишком бледная кожа, слегка болезненно порозовевшая на солнце. Плотная одежда, закрывающая почти всё тело. Плащ с капюшоном, хотя дождя не предвидится. Она вспомнила, как тот сощурился в зале, и, проверяя свою догадку, отошла чуть в сторону, позволяя солнечному лучу прыгнуть на её лицо. Келиор сощурился. — На юге очень активное солнце, — вдруг спокойно сказала она, на миг сменяя дежурное выражение чем-то искренним. — Берегите кожу.

Забота. Иллира по своему обыкновению проявила к своему собеседнику заботу, но, судя по выражению лица этого самого собеседника, такие проявления межличностных отношений были для него в новинку. Его глаза сузились, желваки на миг проступили под бледной кожей, а через секунду он просто сделал шаг вперед. Намеренно выходя на солнце и накрывая своей тенью девушку. Келиор буквально вонзился алым взглядом в её карие глаза.

— Ты, — медленно начал он, опустив голос до вкрадчивого шепота, — Либо смелая до безрассудства, либо просто безрассудна, раз считаешь, что со мной можно разговаривать подобным образом.

— Подобным это каким? — дерзко ответила она, не отводя взгляда и не отдаляясь. — Заботливым? У вас на севере проявление заботы является признаком дурного тона? Что же, это многое объясняет, — император хмыкнул, и уголок его губы дернулся вверх.

— Заботливым, — выплюнул Келиор и наклонился еще ближе. — Ты думаешь, пара ласковых слов, сказанных с этой твоей... улыбкой, и корзины с пирогами заставят моих солдат забыть, что они элита империи? Что они проливали кровь восемь лет? Что они те, кто вырезал гарнизоны за один косой взгляд в мою сторону? — он коротко шумно выдохнул. Звук можно было бы принять за смех, если бы лед умел смеяться. — Хочешь пойти к моим псам? Отлично, идем, я с огромным удовольствием посмотрю, как ты будешь подавать эль тем, кто привык вырывать его вместе с отрубленными руками, — он рваным движением развернулся в сторону выхода, накинул на голову капюшон и выставил ей локоть. Ни капли изящества в движениях или нежности в намерениях. Ничего такого, к чему привыкла кронпринцесса, не было в этом жесте и в помине. Так предлагают руку не даме, которая вот-вот станет твоей женой, а заключенному, которому позволили прогуляться перед пытками. — Веди, принцесса, — поторопил он. — Покажи, как именно ты собралась «приручать» мою армию, но помни: если кто-то из солдат решит, что твоя доброта — это приглашение к чему-то большему, — он обернулся с хищным оскалом, — Я спасать тебя не стану. Будет тебе уроком. Идем. — Его последнее «идем» было брошено как приказ, и всё же он стоял на месте и ждал, когда принцесса решится подойти сама.

— Ха, — коротко выдохнула она и едва-едва покачала головой. «Тяжёлый случай, но вряд ли безнадёжный», — подумала Иллира и подошла к императору, взяв его под руку. Она сделала это так, словно они уже много лет были добрыми супругами, просто идущими по своим делам. Касания теплые, уверенные, будто она держала его под руку тысячу раз, а не касалась его впервые. Под измозоленными девичьими пальцами отчетливо ощущались окаменевшие сейчас мышцы. — Своими «корзинами с пирогами» я лишь хочу напомнить им, что они люди, — начала Иллира и мягко подтолкнула его к выходу, позволяя ему самому начать движение, под которое она подстроится. — Я не собираюсь покупать их преданность. Я ни на миг не сомневаюсь в том, кому они преданы на самом деле. Я лишь хочу показать, что отношусь к ним по-человечески, — она подняла глаза на императора и добавила: — Как и ко всем, кто по-человечески относится ко мне. — На выходе из кабинета к паре спешно приблизилась Джина и, низко поклонившись, передала письмо от казначея. Принцесса, не убирая руки с мужского локтя, быстро прошлась глазами по острому почерку, вернула бумаги служанке и вновь подняла взгляд на Келиора. — Идёмте, мой император, навестим ваших людей и покажем моим, что вы не зверь. — Келиор смотрел на девушку, и в его алых глазах мелькнуло что-то похожее на любопытство. Не банальный сальный интерес, какой принцесса иногда находила в глазах придворных мужей, а именно любопытство.

— «По-человечески», — мышцы под рукой наконец стали чуть расслабленнее, хотя всё еще не потеряли своей твердости. Он не стал говорить ничего больше, словно одно это слово уже выбило его из колеи или, по крайней мере, заставило задуматься. Он бросил взгляд на её ладонь, лежащую на его черном рукаве и казавшуюся на этом фоне почти белой, и сделал уверенный шаг вглубь коридора, уводя принцессу за собой.

Выходя из замка и проходя по внутреннему двору, а после и по главной площади, она всё чаще ловила на себе взгляды своих подданных. Испуганные, обеспокоенные... благоговейные.

— Посмотри на них, — шепнул Келиор, склоняясь к уху принцессы и чуть обжигая дыханием щеку. «Я думала, он дышит льдом», — на миг пронеслось в голове у Иллиры, но внешне она не изменила своей маске. — Твой народ смотрит на тебя как на святую, что ведет чудовище на поводке, а вон впереди уже и мои ребята. — Иллира посмотрела туда, куда кивнул император, и увидела, как на фоне темных палаток стоят мрачные люди, припыленные походом и копотью костров. — Они, вероятно, гадают, не заколдовала ли ты меня.

Он остановился возле первой же группы солдат, что до этого точила мечи, сидя на ящиках и тюках, а теперь подскочила, бряцая броней, и опустилась перед своим императором на

колени. Император молчал. Он смотрел на свою невесту и ждал действий от нее. Все ждали. И пытались понять: зачем южный цветок вышел на мороз из своей уютной теплицы?

Ей было страшно. Иллира была уже не в своем дворце, окруженная родными стенами, а на улице, окруженная бывшими врагами. Но она не была бы собой, если бы хоть на мгновение показала свой страх. Иллира закопала его глубоко внутри и собиралась раскопать позже, когда это будет безопасно, а сейчас... Сейчас она обернулась к императору, которого держала под руку, подняла на него теплый взгляд, улыбнулась и, чуть сильнее сжав его руку, отпустила, встав впереди. Со стороны это выглядело так, словно принцесса заверяла его, что с ней всё будет в порядке. Будто бы он, Демон Пустоши, волновался за нее, и та успокаивала его своими ласковыми руками. Всего пара движений, но люди прекрасно умеют дорисовывать всё остальное в своих головах.

Иллира встала перед императором, словно ища опоры в нем, и невозмутимым взглядом обвела стоящих солдат.

— Я рада видеть вас на южных землях, — начала она, специально выбрав нейтральное «южные земли». Ее голос был звонким, четким и сильным. — Здесь вы почетные гости, а мы любим угощать гостей добрым элем и вкусной едой. Отдыхайте, набирайтесь сил, пейте в честь вашего императора. — Слуги, что старались соответствовать своей принцессе и держать спокойные лица, уже разносили корзины по толпе. Один из них подал принцессе бокал и налил из кувшина, который потом отнесли имперцам. — Пейте, ибо наступает время мира и покоя, за который вы и сражались. За мир! — подняла она чашу и, не дожидаясь реакции, опрокинула её в себя, на своем примере показывая, что не собирается травить их. Что её намерения чисты как это вино. Но услышат ли южную принцессу те, кто привык к приказам? И самое главное, услышит ли её тот, кто стоит за её спиной? Ведь всё это представление было в первую очередь разыграно для него. Иллира спиной чувствовала его пристальный колющий взгляд. «Ну же, Император, что ты скажешь теперь?»

Она не видела того, как смотрит на своих людей Келиор, но солдаты пока не спешили принимать дары принцессы. На площади застряла звенящая, пугающая тишина. Даже рынок рядом замолчал, не смея прерывать этого важного момента. Вперед вышел Борин. Его рука лежала на рукояти клинка, что уже можно было расценить как оскорбление или угрозу, но девушка смотрела в единственный уцелевший глаз воина спокойно и приветливо. Военачальник бросил взгляд ей за спину и едва заметно кивнул, очевидно получив распоряжение владыки. В следующее мгновение мужчина перехватил кубок у слуги и поднял его высоко вверх.

— За мир, принцесса. За мир! — он крикнул это, обернувшись к солдатам, и опрокинул в себя эль, словно тот был водой. Вскоре тост «за мир» стал разноситься по всему лагерю, и напряжение начало таять, как корка льда, выпуская наружу уютный гомон пьющего народа.

Принцесса услышала, как Келиор делает шаг за её спиной и встает рядом. Он смотрел на своих солдат. На тех, кто сейчас тянулся к пирогам, тех, кто пил эль, тех, кто улыбался так, по-живому. Запах копоти и стали смешался с теплым домашним запахом выпечки. И это сочетание, наверное, было диким для императора.

— Ты только что сделала моих верных псов немного ручными, Иллира. Ты понимаешь, что ты натворила? — вкрадчиво пророкотал голос над самым ухом принцессы, до мурашек обжигая шею. Она чувствовала, как близко к её коже сейчас находятся его губы, как холодная белая прядь вновь упала на её плечо. От этого становилось не по себе. — Ты превратила их из грозных завоевателей в обычных людей, с аппетитом уплетающих пироги.

Он выпрямился, и наваждение резко пропало. Словно с холодом, мазнувшим её по разгоряченной шее, вернулась и ясность ума. Солдаты Келиора уже начали переговариваться с горожанами, а самых смелых звали к себе и усаживали на тюки и сундуки. Девушка подняла взгляд на императора и поняла, что всё это время он смотрел на нее.

— Ты думаешь, это победа? — алые глаза, пылающие изнутри, смотрели прямо в карие и будто пытались их прожечь. — Нет, Иллира, ты показала им, что уязвима. Что ты не мифическая королева в башне, а живой человек, который к тому же не боится посмотреть смерти в лицо. Это смело, но эта смелость порождает в них симпатию. А симпатия — это самая опасная слабость для правителя, принцесса, — он взял бокал у подошедшего слуги. Его слуги. И вино в чаше было из тех, что было привезено им, а не что было даровано принцессой. — Ты играешь в очень опасную игру, Иллира. Ты ведь хочешь приручить не только и не столько стаю, сколько самого вожака. Ты хочешь приручить меня, — он слегка склонил голову набок и, не отрывая взгляда от девушки, сделал медленный тягучий глоток. Несмотря на медленное движение, в глазах императора пылало настоящее пламя. Ярость, злость и что-то похожее на вызов.

Иллира смотрела в эти горящие глаза, и на её губах проступила кривая, дерзкая усмешка. Хмель ударил в голову, но ещё не затуманил её, а лишь придал смелости. Она подняла руку и коснулась оскаленной морды на его груди в почти покровительственном жесте.

— Если ты зальешь весь мир кровью, кем же ты будешь править? — на лице демона на миг мелькнула тень страха, какой бывает у человека, которого толкнули спиной назад. Но принцесса не давала ему упасть. — Посмотри, — она отошла в сторону, окинув рукой начинающийся мир. — Это люди, это наш народ. Это те, на ком и держится мир. И если они сыты и довольны, то в тяжёлые времена они выстоят, а если они озлоблены и напуганы, — принцесса подняла глаза на императора, такие взрослые и спокойные на этом обманчиво юном южном лице, — То в тяжёлые времена не выстоишь ты. — Хмель укутывал девичье тело, и принцесса понимала, что ей нужно уходить с солнца немедленно, пока ноги не начали заплетаться и принцесса не потеряла лицо. Ее организм очень плохо переносил алкоголь, а уж алкоголь в сочетании с жарой и усталостью — тем более. — Празднуй со своими людьми или возвращайся со мной, — сказала она и, не дожидаясь его ответа, пошла обратно к замку, из которого они с императором только что спустились. Впереди ждал тяжелый подъем, но девушка знала — выстоит. Должна выстоять.

Звук торопливых тяжелых шагов лязгающим эхом разнесся по площади. А уже в следующую секунду на плечо Иллиры легла тяжелая рука в кожаной перчатке. Хватка была жесткой, но на удивление осторожной. Если бы это был не Келиор, девушка бы даже назвала её «бережной».

— Ты идешь слишком быстро, императрица, — прорычал он ей на ухо, и в этом рыке ярость мешалась с признанием. — И слишком много берешь на себя, — он дернув, развернул её к себе, отчего картинка на мгновение поплыла, но Иллира, прикрыв глаза, вернула её в стабильное состояние. В закатном свете южного солнца алые глаза Келиора выглядели так, словно светились изнутри. Сейчас его и правда легко было принять за демона. — Ты думаешь, что победила, да? Накормила моих воинов хлебом, и теперь они станут твоими? — он чуть дернул её на себя, притягивая ближе, и принцессе пришлось задрать подбородок, чтобы продолжать смотреть ему в глаза. — Мои воины — не твои вассалы. Они и сейчас готовы перерезать глотку любому, на кого я укажу, — его взгляд медленно прошелся по девичьему лицу, что было сейчас так близко и так дерзко подставляло себя солнечным лучам. — Ты чертовски опасна, Иллира. Ты принесла в мой лагерь заразу, имя которой «человечность». И если я не вырежу её из тебя сам, она погубит всю империю, — он усмехнулся. И в этой ухмылке было столько признания, что Иллира невольно улыбнулась в ответ.

— Идемте, принцесса. Вы слишком бледны на солнце, а я не хочу, чтобы мой главный трофей упал в обморок, — он подхватил её под руку и повел вперед. — Но помните, Иллира, неделя только началась, а я, как вы понимаете, проигрывать не привык. — Они шли до замка молча. Келиор не убирал руку, словно конвоир, что ведет своего пленника. И всё же в этом суровом движении чувствовалась какая-то осторожность. Он не сжимал руку слишком сильно, притормаживал, если замечал, что принцесса сбивалась с шага. В общем, вел себя почти по-

человечески. Ровно до той поры, когда они наконец зашли под прохладные своды замковых стен.

— Скажи мне, — начал император и, отпустив её руку, вонзил свой колючий взгляд, — ты правда веришь в то, что говоришь, или ты просто играешь свою роль так же искусно, как я ношу свою маску?

— Я говорю искренне, — спокойно начала она, глядя без страха прямо в глаза. — Я верю в то, что произношу, а если сомневаюсь, то либо молчу, либо делаю пометку, что не уверена. — она почувствовала, что мир стал шататься ощутимо сильнее. Ей нужно было присесть, и желательно сделать это так, словно она не рухнула, а плавно опустилась. Взгляд сразу же упал на подоконник, с которого прекрасно было видно площадь и тот праздник, что они только что запустили. Она мягко опустилась на него, стараясь незаметно придерживаться за стену. Так стало легче. Впрочем, по взгляду императора Иллира быстро поняла, что скрыть свою слабость не получилось. Прижавшись лбом к стеклу, чтобы немного остудить лицо, она смотрела на людей и думала: зачем ищет человека в нем? В демоне, которого каждый в империи привык бояться. В тиране, что вырвал корону с мясом у своих же людей? Может, потому что в его глазах она не видела чудовища? Она знала, как выглядят по-настоящему бесчеловечные глаза. Как выглядят монстры. Монстры не станут торговаться за даты в договорах, они просто возьмут свое. Монстры не станут придерживать за локоть, когда жертва оступается. И монстры не станут оговариваться, что носят маски. — Ты попался, мой император, — лукаво сощурилась принцесса и села прямо, оторвавшись от стекла. — Попался, потому что сказал, что лишь притворяешься монстром. И признаться, это лучшее, что я услышала от тебя за сегодня. — Иллира искренне улыбнулась и тихо, больше для себя, добавила, вновь отвернувшись к окну: — Это значит, что я не ошиблась. — Не ошиблась, разглядев чистые глаза, не ошиблась, ощутив странную, не вяжущуюся с образом тирана человечность.

Келиор замер в шаге от принцессы. Единственное, что выдавало его напряжение, — это проступившие под белой кожей желваки. В алых глазах Иллира читала непонимание. Будто тот, кто привык к страху и раболепию окружающих, не понимал, что делать с её дразнящимися глазами. Он быстро взял себя в руки, подошел вплотную и, опершись рукой о стену рядом с её головой, наклонился над принцессой. Навис, перекрывая пути к отступлению.

— Ошибка, — повторил он, и в его голосе прозвучала опасная бархатная хрипотца. — Ты всегда такая самоуверенная? Думаешь, разгадала меня? Разглядела подо льдом человеческое сердце, — он усмехнулся, отчего кожа на его щеке как-то особо болезненно натянулась. — Я не «попался», Иллира. Я действительно не монстр из легенд, но я и не герой, который пришел вас спасти. Я пришел взять свое.

— Почему же ты не взял это свое силой, как было с предыдущими королевствами? — карие глаза смотрели прямо, без страха, и это невольно вызывало уважение.

— А я и беру силой, Иллира. Твой отец отдал тебя не по доброте душевной и даже не из-за выгоды. А из-за страха. — она стиснула зубы от досады. Это было правдой, обидной и неприятной. — Я бы мог легко сжечь юг дотла, — продолжил он. — Но мне нужны твои люди, потому что они могут прокормить моих. Здесь нет героя-спасителя. — Он отпрянул и сделал шаг назад, точно собираясь уходить. — У тебя впереди шесть дней. Мой тебе совет: не пытайся лечить раны, о которых ты ничего не знаешь, лучше подготовься к дороге на север. Выжить будет твоим главным достижением. — Чеканные шаги удалялись по коридору, и когда Иллира решила, что он вот-вот скроется за дверью, Келиор вдруг остановился и бросил через плечо: — Иллира, если ты упадешь по дороге в свои покои, меня не будет рядом, чтобы тебя поймать. Будь осторожнее.

Шаги растворились в душном запахе жасмина, оставляя принцессу одну. Иллира смотрела на свой город с уставшим светлым лицом. Она не надеялась на то, что Келиор окажется

героем. Но и негодяем, наслаждающимся насилием, она его тоже не видела. Он не чудовище. Но его маска монстра приросла к лицу слишком сильно, и отрывать её может быть больно.

Почувствовав себя лучше, девушка встала и медленно пошла в сторону своих покоев. У нее было шесть дней, и ей нужно было не испортить праздник своим уставшим видом. Он говорит, что ей не следует пытаться лечить раны, о которых она не знает. Но почему ей кажется, что он просто боится? Боится, что если она залезет под его лед, она просто разбередит их. Наверное, подо льдом они болят меньше.

— Ты улыбаешься, даже когда тебя никто не видит, принцесса. Неужели и правда честна? — его голос, раздавшийся за спиной, ударил по нервам. Иллира не подскочила на месте просто из-за усталости и недомогания, но сердце зашлось, как пойманная птица. Понимание, что он стоял здесь и наблюдал за ней из ниши, отозвалось внутри странным трепетом. Волновался? Изучал? Почему он не ушел к себе? — Борин передал, что мои люди уже начали шептаться: не очарован ли я? Они считают, что твой хлеб — это просто попытка заговорить им зубы, — он плавно вышел из тени и встал перед ней. — Знаешь, обо мне ходит много легенд. Одна из них — что я покрыт коркой льда, поэтому такой белый, — он усмехнулся глупости этой сказки, но тон его почти сразу изменился. Стал вкрадчивым, предупреждающим. Он смотрел прямо в глаза, и в их алом пламени она видела боль. И эта боль была для нее такой понятной. — Ты пытаешься заглянуть под него, Иллира. Не стоит. Под ним тьма, холод и последствия моих решений. Руки обморозишь, а толку не будет. Впрочем, дело твое. — Император неожиданно развернулся, разрывая нить этого внезапного понимания. — Прикажи слугам сменить эль на что-то покрепче. Мы, северяне, мы не привыкли к вашей южной... деликатности.

Иллира еще какое-то время просто смотрела на пустой коридор, пытаясь восстановить дыхание. «Как чертик из табакерки!» — Значит, я заговариваю северянам зубы? — пробормотала она едва слышно. Они так привыкли ко лжи и предательству, что не верят в добродетель. Как и их правитель... Он пытался напугать её тем, что под его льдом лишь холод и тьма, но тот, у кого там пусто, не станет ждать в темной нише. Нет. У него там огонь, и не просто пламя, а пожар, что, возможно, даже опаснее пустоты.

Очарован... Как бы обратить этот слух в правду? В размышлениях принцесса добралась до комнаты, где, отдав приказ достать ром, наконец смогла расслабиться и уснуть.

Глава 3. Шепот гибкого тиса

Утро ворвалось в покои принцессы ударами деревянных мечей и криками солдат. Что ж, это было ожидаемо. Келиор не мог позволить своим людям прохладиться на чужой земле, даже если хозяйка этой земли назвала их гостями. Иллира накинула тёмно-зелёный халат и вышла на балкон, выходящий аккуратно на внутренний двор замка, где сейчас и происходило всё действие. Но то, что она увидела, заставило её нахмуриться. Толпа из солдат императора, её гвардии, слуг и вышедших на шум или по своим делам подданных королевства сгрудилась вокруг площадки. На ней кружили двое: один суровый и тяжеловесный, другой — гибкий и смертоносный. Капитан королевской гвардии Риссэн и император Келиор. Они были одного роста, похожей комплекции, но разница была настолько очевидна, что это пугало и восхищало одновременно. Капитан Риссэн, не позволяющий себе снять форму даже для тренировки, тяжело дышал и иногда хватался за ушибленный бок. На Келиоре же была только плотно застёгнутая на все пуговицы рубашка с высоким воротником, закрывающая как можно больше его бледной кожи. Кажется, Демон гонял капитана, просто чтобы проучить, и в любую минуту мог закончить этот бой. На площади царила такая напряжённая тишина, что даже с её балкона был слышен каждый вдох мужчин и каждый звонкий удар дерева. В какой-то момент император перехватил запястье капитана, выбивая у того из руки меч, и вывернул руку за спину. Риссэн коротко вскрикнул и упал на колено.

Бой был окончен, и император не стал добивать противника, а просто отбросил меч в сторону. Его взгляд тут же взмыл к её балкону. Словно он спиной чувствовал, что принцесса наблюдала за его боем. Лицо Келиора было по-прежнему бледным и чёрствым. Ни улыбки, ни гнева, только это застывшее выражение превосходства, смешанное с каплей раздражения.

— Доброе утро, принцесса. — Его голос, усиленный колодцем дворцового двора, легко долетел до Иллиры. Насмешливый. Уверенный. — Ваш капитан утверждает, что вы всё ещё тренируетесь по старым трактатам. А я решил показать, почему именно они неэффективны. — Кто-то на площади словно начал говорить, но Келиор перебил, не дав вымолвить и слова: — То, что мы пили вчера эль из одной бочки, не делает нас друзьями и уж тем более не даёт вам права расслабиться. Следующий! — Пока на площадку выходил очередной воин, что был совершенно не рад перспективе быть избитым Кровавым тираном, тот вновь поднял взгляд на принцессу. — Спускайся, Иллира, или всё ещё считаешь, что ваши методы ведения боя эффективнее? — Мужчина усмехнулся, и даже с такого расстояния она безошибочно видела вызов в этих алых глазах.

— Я не сомневалась в вашей победе, мой император, — ответила она и сделала три демонстративных хлопка. — Но думаю, вам нужен противник поинтереснее. Джина, — позвала принцесса свою служанку, заметив её среди толпы. Та стояла сжавшись, явно выслушивая что-то пренебрежительное со стороны северян и не смея ответить. Услышав окрик госпожи, она тут же заторопилась к ней.

Лиорна быстро пришла в покои принцессы, которая уже скинула халат и ночную рубашку и, не вызывая других служанок, сама собирала свои волосы.

— Форму для стрельбы, и достань мой лук, — коротко бросила принцесса Джине. — Я тоже кое-что умею.

— Ты же не станешь делать то, о чём я думаю, Иллира? — обеспокоенно спросила дитя леса, доставая и разглаживая шёлковую рубашку. — Это может иметь очень серьёзные последствия. Ты... — Принцесса через зеркало бросила взгляд на маленькую обеспокоенную девушку. Джина была ей как сестра и Иллира понимала, что та лишь волнуется о ней, но сейчас принцессе нужно было сделать свой ход. И этот ход просто обязан был быть эффективным. — Прошу прощения, госпожа. Я всё готовлю, — с поклоном ответила лиорна, и это заставило

принцессу на мгновение сжаться, как от удара. «Госпожа» — да, Иллира была госпожой для своей названной сестры и госпожой для ещё многих подданных. И именно поэтому она не имела права отступать.

Быстро одевшись, принцесса вышла на площадь к императору. Готовая, затянутая в идеальный костюм для стрельбы. Камзол, брюки, высокие сапоги и пышный каштановый хвост. Она шагала по каменной кладке с величием владычицы. В руках же она держала свою гордость — хороший охотничий лук из тиса. Он не был драгоценным или вычурным, нет. Он был настоящим. И стрелы в колчане за её спиной — тоже.

— В искусстве владения мечом вам нет равных, мой император, и никто не посмеет бросить вам вызов, ибо глупо тратить силы на проигрыш, — улыбнулась Иллира немного дерзко и даже почти игриво. Но это была опасная игра. — А что насчёт другой силы? — понизив голос, спросила она, подойдя почти вплотную и мазанув пышным хвостом по широкой мужской груди. Слуги спешно ставили мишени. «Пусть ты лучший мечник на всём континенте, Келиор, — пронеслось в её голове. — Но в моём королевстве нет человека, что стреляет так же метко, как и я. А юг всегда славился своими лучниками. И если уж ты понимаешь только силу... Будем говорить на языке силы».

Келиор сделал шаг следом за принцессой, словно потянувшись за шлейфом её дерзкой уверенности. Она видела, как в его глазах загорался интерес, настоящий «азарт хищника», почувствовавшего рядом равного себе. Император стоял так близко, что Иллира безошибочно различала жар его тела, запах стали и... можжевельника? И почему она раньше не замечала, что он пахнет можжевельником?

— Другой силы. — Келиор с любопытством рассматривал лук, что держала принцесса, словно прикидывая, как быстро сможет выбить его из хрупкой руки. Но делать этого не стал. — Весь мой опыт с луком заключается в том, чтобы пробивать кирасы с двухсот шагов. — Он усмехнулся.

— Двести шагов? Хороший показатель. — Иллира сделала короткий жест слугам, и они перенесли мишени дальше. — Но я предлагаю начать со ста пятидесяти, согласны?

— Иллира... — Он покачал головой. — Вы предлагаете мне сменить привычный меч на игрушку для охоты на кроликов? Ладно. — Он жестом подозвал одного из своих солдат, и тот принёс ему огромный чёрный лук. Он был раза в полтора больше, чем тот, что держала Иллира. Келиор упёр его в ногу и согнул, натягивая тетиву. Мышцы под рубашкой вздулись, распирая ткань, но на сосредоточенном лице не вздрогнул ни единый мускул. Принцесса немного поспешно отвернулась, застав себя за тем, что любовалась силой этого мужчины. — Если я проиграю, я признаю, что ваши «трактаты» стоят больше, чем моя сталь, — прозвучал голос императора, заставляя Иллиру вернуть взгляд. Лицо императора больше не было сухим, оно было азартным и хищным, и, стыдно признаться, но это ему шло. — Но если проиграешь ты, то ты лично прикажешь отправляться в дорогу. Без прощальных подарков, без твоей недели. Мы отправимся завтра же. Согласна? Или ты надеялась, что я не владею луком?

Он встал к ней плечом к плечу, глядя на далёкие круги мишеней и ожидая её ответа. Вся площадь и двор вновь замерли в предвкушении. Решалась не просто судьба этой недели — казалось, решалась судьба всего их союза.

— Согласна ли? — с усмешкой переспросила она и, повернув голову, твёрдо ответила: — Разумеется. Я ведь не просто так постоять с луком вышла и уж точно не надеялась на твою слабость. — Голос будущей императрицы был полон азарта и хищного ожидания. Слуги уже поставили первые мишени, готовые заменять их, как только понадобится. — Стрелять будем, пока один из нас не промахнётся; каждые десять стрел — смена мишени, — твёрдо и уверенно заявила она и, вытащив стрелу, изящным движением крутанула её в пальцах. Потом нежно положила стрелу на тетиву и натянула лук, вставая в стойку. — И поверь, — продолжила она, понизив голос и повернув лицо к императору, — я очень упрямая.

Она не прицеливалась долго. Ей хватило того мига, в который она натягивала тетиву. Лук был продолжением её руки, и поэтому она выпустила первую стрелу, не проверяя себя. Глядя прямо в глаза Келиору. Точно в цель. Прекрасная демонстрация силы.

Северянин бросил взгляд на мишень, не то проверяя, не то убеждаясь, что она не промахнулась. И на его губах дрогнула одобрительная улыбка. Всего на секунду, но Иллира поймала эту секунду, и отчего-то ей захотелось поймать её вновь.

— Да, принцесса, упрямства вам не занимать, — согласился Келиор и натянул свой огромный имперский лук. Чёрная стрела слетела с тетивы со страшным гудением и вошла в мишень, едва не уронив её. Она была крупнее изящной стрелы Иллиры и воткнулась всего на палец левее зелёного оперения. Рядом.

Оба лучника выпускали стрелы одну за другой, пробивая мишень. Келиор не обладал тем изяществом, с которым владела луком Иллира или с которым он сам владел мечом, но он брал силой. Для принцессы же стрельба казалась таким же естественным занятием, как дыхание. Чёрные стрелы мешались с зелёными в самом центре мишени, образуя странный мрачный букет. Они не уступали друг другу ни на йоту. Люди на площади буквально перестали дышать, наблюдая за тем, как император, тот, кто всегда приходил и побеждал не соревнуясь, шёл с принцессой на равных.

Когда первые десять стрел были выпущены и ошеломлённые слуги меняли мишень на новую, император повернулся к принцессе. Его грудь тяжело вздымалась, мышцы налились силой, в глазах плясал огонь, а лицо наконец-то приобрело здоровый оттенок, хотя и поблескивало от испарины.

— Десять стрел, — произнёс он, рассматривая шумно дышащую принцессу с гордо расправленными плечами и этим невыносимо упрямым взглядом. — Пять моих и пять твоих. Ни одного промаха на хорошей дистанции. Признайся, ты тренировалась каждый день, чтобы доказать, что ты не просто трофей. — Келиор усмехнулся и сделал шаг к Иллире, останавливаясь почти вплотную. Он внимательно наблюдал за её лицом, и его взгляд на миг задержался на капельке пота, стекающей по открытой тонкой шее. Принцессу окутал его жар и этот запах можжевельника. Теперь она могла заметить крошечный след зеленоватой мази на его скуле, который он, очевидно, не дотирал. Так вот откуда запах!

Рука мужчины накрыла ладонь, сжимающую тисовый лук, заставляя посмотреть в глаза.

— Ты хочешь доказать, что твой Шантэлир может стоять на равных с моей Империей, — прошептал он так тихо, что слышать это могла только принцесса. — Тогда стреляй лучше, чем когда-либо, ибо теперь я буду целиться не в мишень, а в твою гордость. — Он отступил назад, разрывая этот физический контакт, и положил чёрную стрелу на расслабленную тетиву. Однако глаз не отвёл. Ждал.

Её улыбка стала по-настоящему хищной. Такая не должна появляться на лице принцессы, но на лице воина... или, может, Императрицы. — Я тренировалась, потому что мне это нравится, — ответила принцесса. — Знаешь такое прекрасное чувство — делать то, что тебе нравится? — Она смело положила на тетиву лёгкую стрелу, наблюдая, как меняют мишень. И перевела взгляд на лицо будущего мужа. — Ты можешь целиться куда угодно, хоть в мою гордость, хоть в моё сердце, но у нас есть одна существенная разница: я делаю то, что мне нравится, пока ты пытаешься что-то доказать. — Она пожала плечами, будто это очевидная вещь, и, быстро прицелившись, снова сделала первый выстрел.

Её стрела со свистом рассекла воздух и вонзилась в мишень — в самое «яблочко». Снова. Не дрогнула, не испугалась повышения ставок. Будто их и не было вовсе. Будто всё это было просто очередной тренировкой или игрой.

Он стоял неподвижный. Застывший. Неотрывно следящий за затухающими колебаниями оперения её стрелы. А в глазах отражалось почти болезненное, благоговейное узнавание.

— «Делать то, что нравится», — медленно повторил он, словно пробуя эту формулу или, скорее, вспоминая её. Он медленно повернул голову и посмотрел на Иллиру с какой-то новой, пугающей серьёзностью. — Ты считаешь, что я пытаюсь доказать что-то миру? — В этой фразе и в его глазах сквозило такое одиночество, что она поёжилась, как от порыва ветра.

Келиор решительно натянул тетиву и выстрелил. Черной молнией сорвавшись с нее она вонзилась точно в зелёное оперение, расщепляя стрелу принцессы надвое. Стирая саму возможность сравнить их.

— Потрясающий выстрел, — восторженно прошептала она, заворожённо смотрящая на обломки своей стрелы. Она никогда не скупилась на добрые слова, если видела, что их достойны.

— Я никому ничего не доказываю, Иллира, — холодно произнёс император, сбивая эту похвалу, точно снег с плаща. — Я лишь уничтожаю препятствия на моем пути. Но ты не препятствие. Ты часть моей дороги. — Он стоял близко и смотрел прямо в глаза. Иллире казалось, что сейчас она заглядывает под тот самый лёд, о котором он предупреждал её вчера. Но что она там видит? Что там вообще можно разглядеть? — У нас осталось по четыре стрелы. Промажнёшься, и наш договор вступит в силу. Тебе придётся признать, что твоя «прощальная неделя» — лишь фарс, а твои слова — не более чем бравада.

Она медленно выдохнула, понимая, что на его «потрясающий выстрел» ей нужно ответить чем-то сильнее. Чем-то, что заставит Демона Пустошей прислушаться к южанке и увидеть её силу. Чем-то, что вывернет её наизнанку, когда потребует расплаты.

И у нее в запасе был такой выстрел.

Иллира вынула из колчана сразу две стрелы и положила их на тетиву одновременно, удерживая у древка особым хватом. — Раз ты говоришь, что я часть твоей дороги, — медленно произнесла она и прикрыла глаза, вслушиваясь в шёпот ветра и шелест растущих трав. Слушала, как поёт тис в её руках, всё ещё хранящий жизнь, и как ветер готов внимать крови лиорна. Её карие радужки лишь на одно короткое, незаметное человеческому глазу мгновение вспыхнули зелёным. — То встань рядом! — Две стрелы вылетели одновременно, третья лишь на мгновение отставала от них, выпущенная почти подряд. Невероятно сложная техника, замешанная на договоре с ветром. Магии, которая была запрещена человеком, что стоял сейчас по левую руку от принцессы. Иллира не была уверена, что у неё получится, но то ли ярость придала ей сил, то ли ветер сегодня был на её стороне.

Сначала была тишина — абсолютная, вакуумная, а затем звук — треск дерева, напоминающий сход лавины. Две южные стрелы с идеальным свистом вошли в мишень, обнимая северную с двух сторон, словно окружая, а третья ударила уже в чёрное оперение. Так же, как только что сделал он. Раскалывая стрелу, вонзая насквозь в мишень и пуская глубокую, уродливую трещину по всему деревянному щиту.

Площадь замерла, Келиор не отрывал изумленного взгляда от мишени, а Иллира... Она могла бы праздновать победу, ведь этот трюк получался у неё всего два раза в жизни, и сейчас был второй. Но вместе с заслуженным триумфом в её голове со стуком перевернулись песочные часы, отсчитывающие время, когда её накроет откат. Нужно было заканчивать этот фарс и уходить с площади, пока последняя песчинка не осыпалась вместе с ней.

Десять.

Император смотрел то на мишень, то на нее. Точно пытался понять, не привиделось ли ему то, что произошло, не подшутило ли над ним южное солнце?

— Две стрелы сразу, — прошептал он, и в голосе больше не было ни едкого сарказма, ни колючего льда. Только шок от осознания, что его невеста оказалась далеко не так проста, как он думал. Что южная птичка умела не только петь сладкоголосые речи, угощая его солдат, но и вполне себе могла метко вцепиться в глотку когтями. — Ты не просто стреляешь, Иллира, ты бросаешь вызов самой природе. — Он неожиданно шагнул вперёд, заставляя принцессу чуть

отшатнуться. Ей нельзя было показывать накачивающую с каждой минутой слабость. Нельзя было ни на секунду снять маску спокойного воина, только что обставившего самого императора. Краем глаза Иллира заметила Борина, чья рука дёрнулась к эфесу меча, а потом император схватил её за запястье.

Девять.

«Проклятье!» — пронеслось в её голове. Она понимала, что её пульс сейчас начнёт аритмично скакать, как всегда было перед откатом. И понимала, что он легко считает его. Единственное — она надеялась, что он спишет это на простую усталость или даже на триумф от победы. Или просто не заметит за собственным шоком. Его глаза сейчас были так близко, что Иллира без труда видела, как чёрные зрачки затопили радужку.

— Кто тебя этому учил? — жестко произнес он, едва ли не рыча от нетерпения и жажды разгадать её как можно скорее. Жажды обладать этой тайной. — Это какая-то особая южная техника, которую вы прячете под шелками, да? — Он дёрнул её вперёд, и мир вокруг словно перестал существовать. Сейчас была только принцесса, император и этот тихо сыплющийся в её голове песок, отсчитывающий последние минуты до того момента, как её тело просто не сможет сопротивляться агонии.

Восемь.

— Ты лгала мне, — восхищённо прошептал Келиор, обжигая её лицо своим дыханием. Её лук, зажатый между ними, казалось, был единственной преградой, всё ещё создающей иллюзию соблюденных приличий. — Ты не добрый цветок, что испугается морозов, и ты не райская птичка, что пытается приручить меня своими песнями. Ты клинок, запертый в этом теле, в этой хрупкой клетке. — Хватка на запястье стала вдруг мягче. — Там, в столице, в Дун-тэ-Росе, я не дам тебе закрыться за вышивкой и молитвами, да и ты, очевидно, сама этого не захочешь. Ты хотела, чтобы я встал рядом? Тогда тебе придётся держать свои когти всегда наготове. — Он почти коснулся лбом её лба, всматриваясь в неё так глубоко, что пульс, и без того скачущий от отката, сейчас просто сходил с ума. — Я очень хочу посмотреть, как ты будешь стрелять по мишеням, которые будут стрелять по тебе в ответ. — Он отстранился, но руку так и не отпустил, только перехватил поудобнее. — Убрать оружие всем. Мы остаёмся. — Это можно было признать за её победу, но сил радоваться триумфу почти не оставалось.

Семь.

— Запереться в северной башне за вышивкой и молитвой, пожалуй, последнее, что я собираюсь делать на твоей земле, — ответила Иллира, перехватывая его взгляд и смотря гордо и открыто. Её голос был чуть хриплым, но всё таким же спокойным, как и всегда. — И... приручить? — она покачала головой. — Нет, я лишь пытаюсь донести до тебя, что, встав рядом, тебе придётся со мной считаться. А это, — принцесса приподняла в руке лук и отставила его в сторону, будто он ей больше не нужен. На самом же деле просто понимала, что руки слабеют и совсем скоро она его выронит. — Это лишь попытка говорить на твоём языке. Я ведь хочу, чтобы ты меня понял.

Шесть.

Он смотрел на Иллиру, впитывая её слова, и его бледное лицо постепенно вновь становилось таким же, как и всегда. Холодным и сухим. Лишь глаза пылали всё с той же яркостью.

— Считаться, — медленно повторил он и аккуратно убрал руку с её запястья. На мгновение Иллире показалось, что она почувствовала разочарование... Какая глупая реакция.

— Я никогда не считался с чьим-либо мнением, Иллира, всегда руководствуясь лишь своим собственным. В моей империи «считаться» означает либо подчиниться, либо исчезнуть. Но ты выбрала свой путь. — Он улыбнулся. Кривой, настоящей улыбкой, сделавшись в этот момент пугающе красивым. — Ты просто заняла место, с которого тебя не сдвинешь. — Иллира не смогла сдержать усмешки. «Не сдвинешь — это точно!»

Пять.

Принцесса почувствовала, как начали холодеть пальцы на руках. Плохой знак, нужно было уходить немедленно. Она собиралась откланяться и уйти, как вдруг император вновь сократил дистанцию и произнёс у самого её уха: — Твой язык понятен, Иллира, но будь осторожна с тем, что предлагаешь. Если я услышу в твоём языке призыв к чему-то большему, чем просто «союз», я отвечу. — От этого заявления бросило в жар. Пульс... Дьявол... Перед глазами заплескали чёрные точки, и, кажется, император это заметил. — Праздник продолжается! — громогласно объявил он затаившейся площади, отодвинувшись от принцессы и словно чуть загоразивая её собой от сгрудившейся толпы. — Мои люди будут пить ваш эль. Но помните: через шесть дней армия выступает. И принцесса Шантэлира поедет со мной.

Четыре.

Император обернулся и уверенно предложил локоть будущей супруге: — Ты неплохо стоишь рядом со мной на своей земле, но как ты будешь стоять, когда мы покинем её? Когда рядом не будет ни твоих людей, ни твоих мишеней?

Иллира подошла ближе и ласково обвила его руку, снова становясь тем нежным цветком, которым он её раньше считал. К тому же так было проще скрыть дрожь, что уже начала проступать в пальцах.

— Я буду стоять так же уверенно, потому что меня будет хранить не южное солнце, а моё собственное. — Фраза получилась двусмысленной, словно принцесса назвала «своим солнцем» его, хотя имела в виду свою внутреннюю силу. Но она не стала исправлять слова. В конце концов, Иллира и правда планировала не соревноваться, но стоять рядом с мужем. А значит, и плечи подставлять придётся друг другу на равных.

Три.

Во рту появился мерзкий металлический привкус, но Иллира никак не показывала это внешне, спокойно шагая рядом с императором к своим покоям. Он молчал, и она могла поклясться, что ощущала в этом молчании его ошупывающий взгляд. Словно там, где он проходил по ней глазами, оставался тёплый след.

— Твоё солнце, — повторил он задумчиво и спокойно, и Иллира заметила короткую улыбку. Точно блик, мелькнувший на его лице так быстро, что это легко можно было списать на её состояние. — В Пустошах солнце не греет, Иллира. Оно только слепит, отражаясь ото льда, и обжигает кожу, не давая тепла. Что случится, если ты принесёшь солнце с собой? Оно угаснет или растопит этот лёд? — Он говорил так тихо, будто разговаривал с самим собой, а учитывая гул в ушах, она едва улавливала смысл его слов.

Два.

Дверь её спальни была уже совсем близко, и с каждым шагом ноги становились всё тяжелее. Она стиснула зубы, не смея потревожить свою маску спокойствия, и максимально расслабила руки, чтобы не вцепиться в его рукав в поисках поддержки. Однако и без того мужчина слегка придерживал её. Всё-то он уже понял. Вопрос в том, понимает ли он причину её недуга или думает, что она просто устала.

Один.

Деревянное полотно предательски медленно, как сейчас казалось принцессе, открылось, впуская её в её же покои. Келиор остался за порогом. — Отдыхайте, принцесса, — только и сказал он и, развернувшись, быстрым шагом пошёл прочь.

Ноль.

Джина, стоявшая за дверью, быстро захлопнула её, заперев на все замки, и едва успела подхватить падающую Иллиру. Из её рта тонкой струйкой выливалась чёрная кровь.

Глава 4. Лен под серпом

Иллира очнулась, когда солнце уже село за горизонт, а ночная прохлада начала разбавлять удушливый запах жасмина. Во рту был отвратительный привкус железа вперемешку с горькими травами, которыми отпаивала её служанка. В руках всё ещё хранилась память об этих безумных соревнованиях с императором. Иллира невольно усмехнулась, вспоминая и свой триумф, и то, какое неизгладимое впечатление она произвела на Келиора, и то, каким искусным лучником оказался он сам.

— Вы довольны своей выходкой? — холодно спросила её Джина. Лиорна сидела рядом с кроватью и выглядела немногим лучше своей хозяйки. Тоже бледна, с нездоровой, даже для дитя леса, зеленцой, пятнами проступающей на коже, её каштановые волосы сейчас выглядели чуть посеревшими, а небо в глазах словно заволокло туманом. Иллира понимала, что Джина буквально влила в неё часть себя и теперь ей тоже нужен отдых. Хороший отдых в лесу.

— Довольна ли я? — переспросила принцесса и, протянув руку, нежно сжала кисть лесной девы. — Пожалуй, что да. Но без тебя я бы не справилась. Так что, — она задорно, совсем по-девчоночьи растянула губы, — можешь считать, что это отчасти ты и твой народ щелкнули по носу самого императора. — Джина вздрогнула, но вскоре тоже улыбнулась. Немного устало, раздраженно. Как улыбаются непутевым младшим сестрам, которые лезут, куда не просили, а потом таким вот старшим приходится устранять последствия.

— Ты только вслух это нигде не брякни, — снова возвращаясь в привычное сестринское общение, сказала лиорна. И от этого возвращения на душе принцессы стало так хорошо. Её неделя отвоевана, Келиор впечатлен, а любимая сестра больше не дуется. Ну, а завтра...

— Сходи в лес на пару дней, — вдруг сказала Иллира, заглядывая в небесные глаза. — Тебе нужно восстановиться, а я пока справлюсь здесь сама на твоих отварах.

Джина замерла.

— И еще, принеси миртовую смолу и серебряный мох.

— Зачем тебе смола и мох, ты что, обожглась? — тут же спросила лиорна, но Иллира лишь промолчала, не желая пока рассказывать, для чего ей эти довольно редкие ингредиенты. — Ладно, принесу, но ты уверена, что все будет хорошо? Я не могу быть спокойной, когда рядом с тобой ходит этот... это... — Слово «чудовище» так и вертелось на языке служанки, но она даже в мыслях, наверное, не посмела бы назвать так императора.

— Мой будущий муж, — произнесла Иллира, будто подсказывая дитя леса правильный ответ. — Он мой будущий муж, Джина. И я планирую ему доверять, — честно произнесла принцесса, на что лиорна лишь поджала губы. Она прекрасно понимала, что Иллира верила в то, что говорила, иначе бы древесный сок давно взбурлил в венах обеих девушек.

— Значит, мне тоже придется, — обреченно выдохнула Джина и встала на ноги. — Хорошо, я сейчас же отправлюсь в лес и вернусь сразу после приема послезавтра. Не натвори дел, лисичка, — с тем самым покровительственным выражением, что было обычно у наставника, сказала она и вышла из покоев.

Начался третий день последней недели на родных землях. Иллира планировала отправиться в Изойлир, деревню ткачей, что была на западе от центральной провинции. Там всегда было тихо, спокойно и как-то... по-настоящему. Принцесса хотела ещё раз окунуться в этот покой. И она хотела показать его императору. После вчерашней стрельбы из лука ей показалось, что он сможет её услышать. Он увидел ее силу, а значит, готов заглянуть в ее разум. Во всяком случае, она на это надеялась.

Отослав служанок и надев простой, по меркам принцессы, костюм для верховой езды, Иллира, переплетая медно-каштановые пряди в тугую косу, вышла из спальни в поисках импе-

ратора. Келиор нашелся на одном из многочисленных балконов, что выходили на западную сторону. Почему-то Иллира подсознательно искала его там, куда солнце еще не добралось. Столица только просыпалась, разгоняя свою суматоху, и звуки разносились в этой утренней дымке глухо и туманно. Пахло свежестью, апельсинами и... можжевельником.

Он стоял лицом к городу, уверенно опираясь двумя руками о каменные перила. Несмотря на простой черный колет, что, уже привычно для неё, был застегнут под самое горло, он не выглядел просто. Он выглядел властно, уверенно и нерушимо. Он не знакомился с чужой столицей, он осматривал один из своих городов.

— Доброе утро, мой император, — поприветствовала его принцесса и подошла, становясь к нему лицом и небрежно опираясь бедром о перила. Светлая рубашка, брюки, высокие сапоги, тугой корсаж и удлиненная жилетка. Простой и удобный костюм сидел на статной Иллире замечательно. А коса, которую она перекинула вперед, только добавляла ей какой-то уютной беззаботности. Она не смотрела на императора, она смотрела вместе с ним. — Этот замок давит своими стенами, пропитанными... лестью и ложью, — спокойно продолжила она, глядя на город. — Я бы хотела показать вам, как живёт мой народ, до того как познакомлюсь с вашим. Не желаете составить мне компанию и проехать инкогнито в одну деревню? Здесь недалеко, — она наконец обернулась к нему, и в её карих глазах сверкали искры предвкушения хорошего дня, которым она решила поделиться с северянином.

— Инкогнито? — его голос в утренней дымке прозвучал как рокот далекого водопада. Он повернулся к Иллире, и на его губах была почти снисходительная усмешка. — Любой человек на континенте знает, как выглядит Демон Пустошей, — произнес он, и Иллире показалось, что в этом ответе было скрыто сожаление.

— Вы правы, — подтвердила принцесса, наблюдая за тем, как редкие в этой части замка утренние лучи путаются в снежно-белых волосах. — Но вы ведь всё равно всегда носите глубокий капюшон, — заметила она и уголки ее губ слегка дернулись вверх. «Соглашайся, ну же...» — пронеслось в её голове, и она решила дать еще один аргумент. — Мы поедем через леса Ривенхилла, я слышала, вы хотели оценить их, — бесцветная бровь Келиора взметнулась вверх, и принцесса поняла, что попала в яблочко. Келиору необходима была их южная древесина для строительства флота. Империя молода и еще не так сплочена, как хотелось бы, а за Сизым морем всегда найдутся те, кто захочет с мясом оторвать лакомый кусок чужой земли.

— Если тебе так хочется сбежать от дворцовой лжи, — протянул император, возвращая лицу привычно скучающее выражение, и она беззвучно коротко засмеялась от той причины, что он выбрал. — Так и быть, я составлю тебе компанию. Мне интересно посмотреть на народ, который даже не попытался отстоять свою родину, — не удержался от шпильки император, но она проглотила её как необходимое горькое лекарство. Неприятно, но без этого Келиор не был бы Келиором.

Уже через полчаса они выехали из столицы. Каменные дома остались позади, и, проехав широкие, пышущие зеленью луга и шумную речушку, они наконец заехали под сень Ривенхиллского леса. Огромного, могучего. Исполинские сосны мешались с такими же необъятными дубами и липами. Солнце не пробивалось сюда, и император, скинув капюшон за спину, коротким жестом приказал двум своим телохранителям остановиться. Спешился. Иллира спрыгнула следом.

— Этот лес такой же древний, как ваша Пустошь, — спокойно начала она и ласково провела ладонью по коре старого дуба. Точно здороваясь с ним. Дышать здесь становилось значительно легче, а ломота, что еще оставалась в руках, стремительно отступала. — Говорят, именно этот лес породил первых лиорнов, — это была опасная фраза. Говорить о детях леса с человеком, что надел на этих детей ошейники, было рискованным шагом. Но император лишь кротко хмыкнул, тщательно осматривая деревья, будто уже прикидывая свою флотилию.

— И не жалко вам отдавать в руки варвара этот древнейший лес? — спросил мужчина, оборачиваясь на невесту. — Он ведь уйдет на мой флот. И место, где родились лиорны, погибнет под северной сталью. — Иллира облокотилась на могучий ствол и лишь коротко выдохнула.

— Всё в этот мир приходит, чтобы однажды уйти. И, как по мне, лучше уйти, принося пользу, а не просто становясь перегноем. Да и деревьев здесь столько, что, даже снарядив армаду против всех пиратов Островного Альянса, лес еще будет жить и разрастаться многие годы, — она оторвалась от дуба и подошла к императору практически вплотную, впервые сама сокращая эту дистанцию. Сама вторгаясь в его купол. — Вам ведь не нужно брать всё, Келиор, — тихо сказала она. — Вы можете взять столько, сколько нужно. Природа щедра, и у нее всегда больше, — он криво улыбнулся.

— На юге, может быть. Идемте, — они вернулись к оставленным лошадям и продолжили свой путь. Вскоре вековые сосны расступились, выпуская бесконечные поля льна. Император вынужденно нырнул под темный капюшон, и тень от него падала до самой шеи, полностью скрывая его могучую фигуру.

Сначала Иллира услышала отголоски музыки, что принес обжигающий ветер. Задорной, ритмичной. Песню, которую пел её народ, празднующий начало сбора урожая льна. Потом в эту песню стали вплетаться и иные звуки: стук ткацких станков, шлепки молотилок, смех. Так звучала жизнь в самом солнечном и настоящем её исполнении. Взорвавшись на холм, они наконец увидели Изойлир во всей своей простой красе. Кривые улочки, расположенные не по строгим линиям, а словно выросшие сами, как ветки деревьев. И на каждой такой ветке не меньше десятка плодов-домиков. Небольших, бревенчатых, с соломенной крышей. Уютных. Пахло хлебом, жареным мясом и чем-то сладким и неуловимо праздничным. Все эти кривые улочки сходились в центре, где уже ставили столы с угощениями, жаровни с мясом. Где плясали девушки, сцепившись друг за друга руками и прошивая всю площадь насквозь причудливыми узорами, которые были особенно хорошо видны с их холма.

Иллира преобразилась. Она глубоко вдохнула, прикрывая глаза, и медленно выдохнула, отдавая ветру всё свое напряжение, что носила в замке как броню. Здесь всё дышало легкостью и честностью — самый целительный воздух для такой, как она. Принцесса обернулась на Келиора, тепло и мягко, и еле сдержала себя, чтобы не взять его за руку. Так ей хотелось делиться этим разливающимся по Изойлиру уютом. Они спустились в деревню, и копыта мирно застучали по брусчатке. Люди, что встречались им по дороге, по-доброму смотрели на принцессу и чуть настороженно, но без ненависти, косились на её спутников. Стоило её лошади остановиться, как к ней тут же подбежала орава детей, кричащая её имя. Принцесса, недолго думая, спрыгнула с седла и стала раздавать детям какие-то мелкие сладости, припасенные в седельной сумке. Кого-то она трепала по волосам, кого-то знала по имени, кто-то делился с ней своими страшными детскими тайнами. И она слушала. Слушала, и сердце её наполнялось светом. Её собственным солнцем, о котором она говорила императору. Старейшина деревни вышел к ней, не лебезя или падая ниц, а с почтительным поклоном. Они уважали её, а она не заставляла их унижаться.

Келиор оставался в седле. На него то и дело поглядывали деревенские, и кто-то даже опасливо присматривался к огромному палашу, пересекающему его тело, но все принимали его, так как он приехал с принцессой. С их принцессой. К Иллире подошла местная девушка и подарила искусно вышитый платок, и принцесса с почтением приняла подарок простой деревенской ткачихи. Она их не чуралась. Карие глаза на миг метнулись к северянину. Тот сидел мрачнее тучи. Во всем черном он выглядел почти комично, если бы от него не веяло могильным холодом. Нахохлившийся ворон среди воробьев и синиц.

Принцессу вновь отвлекли, подавая ей ягодный взвар, и она решила предложить его Келиору. Может, хоть так этот мрачный человек повеселеет. Ну должен же он уметь улыбаться не только криво и с сарказмом? Она подошла к зверю, на котором восседал император, и подала

кружку, однако тот не сделал ни единого движения навстречу, лишь скосил взгляд на её лицо, игнорируя напиток.

— Идиллия, — выплюнул он это слово, будто оно значило что-то ругательное. Его сарказм и яд резко контрастировали с праздником вокруг, но он говорил негромко, и люди не замечали хмурого владыку. — Они танцуют, поют, смеются. Они делают красивые тряпки, но скажи мне, Иллира, что они будут делать, когда из того самого векового леса на них выйдет стая волков? Или когда соседний лорд решит, что эта деревня ему мешает? — Он обвел взглядом кривые улочки и продолжил. — Одного факела хватит, чтобы за несколько часов превратить всю эту деревню в пепелище. Кто их тогда защитит? — Он смотрел на нее сверху вниз, и его алые глаза под глубоким капюшоном были внимательны и холодны. — Ты привела меня сюда показать счастливый народ. Но я вижу стадо овец, которое забыло, что живет у опушки леса, полного хищников. Их счастье, — он горько усмехнулся, — это не их заслуга, принцесса, и даже не твоя. Это чья-то недоработка. Но пламя всегда находит дрова, а тут их полным-полно.

Иллира медленно опустила руки со взваром, останавливая кружку на уровне груди. Потом, немного подумав, отпила глоток сладкого солнечного напитка. — Я хотела поделиться с вами хорошим днём и показать, как живёт мой народ вне стен столицы, — спокойно начала она, глядя снизу вверх в глаза императора. Но в её взгляде все ещё было то достоинство, которому неважно, с какого положения она смотрит. — Вы спрашиваете, кто охраняет их? Стражники появляются здесь время от времени, и пока этого достаточно. Дикие звери из леса не трогают их, так как в лесу хватает пищи и незачем выходить к людям. Вы говорите, они отара, которая забыла, что живёт с волками, но разве этим вы не отбираете их право на мирную жизнь? Неужели вы никогда не жили, а всегда лишь выживали? Посмотрите на них, Келиор, — она отвернулась к своим людям с щемящей нежностью в глазах. — Они не овцы, а вы не волки. Мы все люди. И мы все хотим просто жить. Они веселятся, потому что поняли это, а не потому, что беспечны, — она ещё какое-то время просто смотрела на мир, весело галдящий где-то внизу, а потом, словно наполнившись, вернула взгляд на императора. — И я хочу, чтобы люди во всей империи могли просто жить. Хотя бы иногда переставая выживать и искать в каждом соседе врага. Знаете, чтобы собрать лен, его нельзя резать серпом, его нужно нежно вытягивать из земли. Может, хватит уже резать по живому? — она спросила это, не отворачивая взгляда. Не боясь его гнева или любой его реакции. Она ждала его честности.

Император смотрел на нее. Долго, пронзительно. Как будто пытался отыскать в спокойном лице ту трещину, за которой скрывается истина, что она прячет за своими метафорами. Но трещины не находилось. И, похоже, его это раздражало. Солнце скрылось за густыми кустистыми облаками, и Изойлир погрузился в уютный приглушенный свет.

— Право на мирную жизнь, — повторил Келиор и медленно отбросил капюшон назад. Люди, что стояли ближе всего, отшатнулись, замерли. Глаза их расширились от ужаса при виде снежно-белых волос Владыки. Однако они молчали, удерживаемые от паники спокойным присутствием принцессы. Алые глаза медленно обвели площадь колючим взглядом, а затем Келиор спешился, ловко прыгнув рядом с Иллирой. Властным жестом он протянул руку и взял кружку со взваром. Отпил. На лице не отразилось ни единой эмоции, которая подсказывала бы принцессе, понравился ли ему этот кисло-сладкий привкус солнечного лета или нет.

— Ты веришь в красивые сказки, Иллира, — его голос стал тише и спокойнее, из него точно немного убрали сарказма, хотя всё еще оставили добрую порцию льда. — Думаешь, что мир можно купить песнями, доброй улыбкой и хорошим урожаем, — император вернул принцессе кружку, но не выпустил её из рук, заставляя смотреть в глаза, держась за этот кусочек лета, налитый в обожженную глину. — Говоришь, они не овцы? Что ж, в мирное время люди могут быть кем угодно. Но когда приходит голод, когда приходит зима, что длится шесть месяцев, когда сосед готов зарезать соседа за мешок зерна, вот тогда отчетливо видно, кто есть кто

на самом деле, — Келиор разжал пальцы, но она по-прежнему не отводила взгляда карих глаз. — На севере закон простой: если ты перестанешь искать врага, то враг найдет тебя быстрее.

Он шагнул вперед и обхватил рукой, затянутой в черную кожаную перчатку, её плечо. Осторожно, тактично, пытаюсь не подчинить, а достучаться.

— Пойми, пока ты будешь возиться с одним стеблем, нежно вытягивая его на свет, я скошу сотню. Да, я потеряю часть урожая, но я хотя бы успею его собрать до прихода зимы. А ты? — Он усмехнулся. — Ты хочешь, чтобы вся империя могла «просто жить» — это благородная цель. Но чтобы её осуществить, кому-то придется стоять по колено в крови, охраняя этих ткачей от чудовищ вокруг. Кому-то самому придется стать чудовищем. Льдом, что будет охранять это солнце для таких вот ткачей от тех, кто жаждет украсть его. Ты готова к такой цене, принцесса? — Он наклонился к ней почти вплотную, понизив голос до хриплого полупшепота. — Готова ли ты править империей, зная, что цена их счастья — это наша с тобой человечность? — Он медленно выпрямился и убрал руку с её плеча.

— Если ты перестаешь искать врага, враг найдет тебя... — тихо повторила она, пробуя на вкус его философию. Она знала таких людей. Тех, кто привык к ножам в спину и спит, сжимая эфес в руке. Кто в каждой кружке ожидает яд. Когда живёшь среди змей, зашипеть первым иногда — лучшее решение. Но она также знала, что есть другой путь, и считала свой народ лучшим его доказательством. — Знаете, Келиор, ваша философия мне понятна, но она не единственно верная, — спокойно начала принцесса, по-прежнему глядя в глаза императору. — Ведь если вы постоянно ищете врага, то вы показываете лишь то, что готовы к войне. Но ведь то, что вы сделали сейчас, — мирное соглашение — это новый путь. Это ваша демонстрация готовности к миру, — она улыбнулась, делая ещё один глоток, не сводя с императора глаз.

— Я думаю о государстве как о семье, — продолжила она. — Где король — это родитель, а народ — его дитя. И если родитель жесток и суров, то ребенок вырастает без любви, он тоже становится суровым и жестоким. Он мечтает вырасти и занять свое место в этих жерновах, где и его плоть однажды упадет на чьи-нибудь плечи. Он живет этой надеждой — однажды отомстить за свою боль. Можно быть мягким и слабым родителем, — продолжила она. — Тем, который всё позволяет и всему потакает. У таких дети вырастают избалованными, изнеженными и ждущими, что за них всё решат. Я предпочитаю третий путь — путь строгости и справедливости. Я слушаю свое дитя и помогаю ему решать проблемы самостоятельно, — она с любовью посмотрела на танцующих людей, и в ней ощущалась эта отеческая гордость за них. — И иногда родителю приходится делать больно своему ребенку, — тихо продолжила она, и в её голосе почти ненавязчиво, и всё же отчетливо зазвенела сталь. — Выстригать репы и прижигать раны, а иногда и закрывать его своим телом от зверя. И я готова закрыть свое дитя, я готова взять в руки меч ради него, но я буду делать это из любви к нему, а не из ненависти к миру, — Иллира замолчала, спокойно и тихо глядя на своих людей. На свое дитя.

Император тоже смотрел на людей. И принцесса искренне надеялась, что он видел то, о чем она сейчас говорила. Она плохо знала историю семьи Вейнберг. Те сведения, что у нее были, лишь рассказывали о том, что Келиор рано потерял мать, был близок со своим старшим братом, а после его смерти стал тем, кем стал. Сухая констатация фактов в отчетах не давала Иллире возможности заглянуть в сердце Демона Пустошей. Но почему-то ей казалось, что свою империю Келиор считал сиротой. Тем самым беспризорником, что с юных лет научился отбирать хлеб у слабых и бить первым, пока никто не ожидает.

— Ты говоришь о любви, Иллира, — начал он и вновь посмотрел на принцессу. Его глаза потемнели. — Покажи друзьям, что ты их любишь, и они сядут тебе на шею. Покажи врагам, что ты что-то любишь, и они сделают всё, чтобы это уничтожить. Я заключил этот мир из чистого прагматизма, — холодно отчеканил император и снова посмотрел на деревню, что продолжала праздник. И всё же время от времени люди с опаской косились на тирана. — Мне нужен твой хлеб и твой лес, а тебе нужен мой меч. Как видишь, никакой любви, — он

повернулся. Осторожно, но решительно забрал почти полную кружку взвара из девичьих рук и отставил её на ближайший стол. Физически отрывая её от праздника и от народа. — То, что ты готова закрыть грудью свое «дитя» — похвально. Но в Душе-тэ-Россе мне нужна не мученица, бросающаяся на вражеские мечи, а императрица, что не дрогнет, отдавая приказ сжечь такую вот деревню, чтобы остановить заразу. — Он отстранился и, не оборачиваясь, взлетел на спину своего коня, вновь набрасывая черный капюшон. Она последовала его примеру и тоже вернулась в седло. — Это красивая деревня, Иллира, — бросил он, разворачивая коня в обратный путь. — Но это декорация для впечатлительных юнцов, а завтра... — его губы, едва виднеющиеся в тени капюшона, на миг изогнулись в хищной улыбке. — Завтра я смогу увидеть настоящий юг. На вашем приеме. — Он коротко щелкнул языком, и его конь плавно отправился обратно.

Вернувшись в свои родные покои, принцесса ещё долго смотрела в окно в ту сторону, где горел праздник ткачей. Её тихое счастье, которое она оберегала все эти годы. Счастье, которое император считает невозможным для своего севера. Но Иллира чувствовала, что этот север становится и её тоже. И раз так вышло, что империя — сирота, она станет её матерью. Самой заботливой, самой нежной и любящей. Потому что любовь — это не слабость, это сила. И она верила, что сможет доказать ему это.

Назавтра был запланирован бал и званый ужин. Её лисы выйдут в самом ярком мехе, и ей придется им соответствовать. И пусть Келиор утверждает, что это и есть настоящий юг, её сердце всегда будет думать иначе.

Глава 5. Бокал с черной каллой

Подготовка к балу началась с самого утра. Первым делом ванна с благовониями и маслами, призванными смягчить её кожу и расслабить мышцы. Те всё ещё немного ныли после недавнего отката и вчерашней прогулки в Изойлир. Служанки работали слаженно и молча. Всегда молча. Это был приказ Иллиры после одного очень тяжёлого инцидента несколько лет назад. Увы, лезть — это та же ложь, просто в красивых шелках, а значит, кровь лиорнов реагирует на неё так же неистово. Чтобы не пояснять служанкам причин, Иллира просто сослалась на то, что сильно устаёт от государственных дел и предпочитает тишину. И то и то было правдой, ведь лгать она не могла.

После ванны ей тщательно просушили волосы и стали собирать из них сложную, но вместе с тем естественную причёску. Нет ничего более трудоёмкого для девушки, чем выглядеть естественно. Её кудри должны были лежать неукротимой волной и вместе с тем не превращаться в гнездо на голове. Задача не из лёгких, но и повод был более чем весомым.

И наконец платье. Когда Иллира утвердила этот эскиз, королевский портной три дня пытался отговорить её от этой затеи, но принцесса была непоколебима. Она точно знала, чего хочет. Створки шкафа распахнулись, явив на свет нечто мрачное и величественное, и вместе с тем невероятно хрупкое и нежное. Губы принцессы невольно дёрнулись в улыбке. Она хотела, чтобы платье было похоже на перевёрнутый цветок чёрной каллы, и мастера постарались на славу. Хрупкие шелковые лепестки юбки заострились к самому шлейфу, чёрные бархатные вставки в корсаже добавляли той самой глубокой тьмы, что хранится в этом цветке, а серебряное шитьё и почти незаметная россыпь камней на шлейфе и бюсте выглядели как роса, сияющая под светом луны. Всё это дополняли нежные газовые ленты, прикрывающие руки и струящиеся по юбкам и спине.

— Идеально, — прошептала она, невесомо касаясь ткани рукой. Чёрное платье, сияющее серебром, словно изморозью, вместо предложенного ей зелёного, белого или золотого, было настоящим бунтом. Она открыто выбрала цвета севера вместо цветов юга. Рядом на подушках лежали украшения: серебряный венец, похожий на ветви, серёжки с редким чёрным опалом, ожерелье с такими же камнями, что должны будут спускаться по линии её оголённого позвоночника, и широкий браслет. Стальной, с узором, сделанным в технике чёрнёной стали. Словно сегмент доспеха императора, что нежно обовьёт её запястье.

— Вы так прекрасны, — прошептала одна из служанок, поправляя складки её платья, и Иллира уже стиснула зубы, приготовившись к приступу тошноты... но кровь молчала.

— Спасибо, — шепнула она спокойно кивнув честной девушке. Та зарделась от похвалы госпожи.

— А браслет...

— Я надену его перед выходом. Сама, — коротко ответила принцесса, словно не позволяя другим даже притронуться к этому странному украшению.

Когда в её причёску вплели корону, а стальной манжет защёлкнулся на её руке, принцесса вышла из покоев, направившись в сторону уже шумевшего гостями зала. Запах жасмина услужливой змеей стелился рядом. Парфюмер хотел предложить этот запах и для самой Иллиры, так как его очень любит король и он популярен среди знати, — на что принцесса лишь брезгливо сморщилась и предпочла мяту. Резкий, свежий, точно мороз, аромат помогал лучше думать, а ещё немного успокаивало бурлящий древесный сок.

Зал был похож на огромную музыкальную шкатулку. Тысячи хрустальных подвесок разбивали свет от свечей, превращая его в сияющую пыль. Блики от бокалов и камней слепили глаза, а от вездесущего запаха жасмина было физически трудно дышать. Принцесса специально

не стала сразу подходить ко входу, а поначалу наблюдала из тайной ниши. Всё-таки это был её замок, и она прекрасно знала, как появиться в любом из залов незамеченной.

Она наблюдала за ещё одной фигурой в чёрном.

Келиор стоял, прислонившись к мраморной колонне. Мрачный наблюдатель за всем этим пышным серпентарием.

Люди танцевали, беседовали, флиртовали. Всё, как и на любом другом балу. Каждое движение что-то значило: каждый шаг в сторону, поворот головы или лёгкое покачивание веера. Но императора это совершенно не заботило. Он был непоколебим, подобно скале в бушующем море красок. Принцесса улыбнулась: она помнила, как эффектно появился Келиор во время их первой встречи, и хотела ответить ему тем же.

Оторвавшись от будущего мужа, она подняла голову на оркестр, стоящий на балконе, и поймала взгляд дирижёра, который уже ждал её появления в этой нише. Мужчина медленно, почтительно кивнул и взмахнул палочкой.

Грохот литавр разнёсся по залу подобно военному барабану, заставляя гостей замолчать, а Келиора чуть вздёргнуть голову, прислушиваясь к изменённому пространству. Свет приглушили, освещая лишь освобождённую площадку исчерченного естественными чёрными полосами белого мрамора. В тишину нежным касанием начал вливаться звук тягучей скрипки. Музыкант выводил гордую, но чуть тоскливую мелодию прощания с Шантэлиром — традиционного танца уходящей из дома принцессы.

Она вышла из ниши так плавно и незаметно, будто сама была частью того мрака, что скрывал её всё это время. Глаза гостей были прикованы к чёрному бутону её платья. Мажордом не рискнул мешать своим представлением той, кто в нём совершенно не нуждался. Иллира шла в центр площадки, глядя только в алые глаза. Никого более не существовало для неё в этот момент. Литавры вновь вонзились в щемящую скрипку, и юбки вспорхнули, вторя стремительному повороту принцессы.

Её танец начался. В нём не было жеманности иных южных девушек, что танцевали перед ней, не было ни доли кокетства. В нём была первобытная сила её земли. Отголоски того самого древнего юга, с которым она прощалась. Не земли, что без боя сдалась врагу, а земли, что не боится протягивать руку помощи. В каждом её шаге чувствовалась вековая мощь сосен и дубов Ривенхиллского леса, в каждом изгибе её рук виделись колышущиеся травы её полей. Сильные мышцы крепко и уверенно держали её тело, и при этом она оставалась лёгкой и воздушной, будто сделана не из плоти и крови, а из солнечного света — такого же неуловимого и такого же жалящего без промаха. Её глаза вновь и вновь встречались с алыми ягодами, лежащими на снегу, чтобы снова потерять их в волне ведущего её танца.

Громогласный аккорд повис в плотном воздухе и наполнился медленным, томным звучанием виолончели. Наступило время выбора партнёра для второй части танца. Все гости замерли, ожидая, кого выберет принцесса. Ждал этого и император, незаметно для себя затаивший дыхание вместе со всеми.

Танец принцессы — это одновременно танец прощания с прошлой и встречи с новой жизнью. Все придворные дамы отговаривали Иллиру приглашать императора, ведь он не танцует — это всем известно, и это может испортить её репутацию. А кузен Касси, конечно же, был готов взвалить на себя эту ношу. И вот теперь, когда финальный разворот был совершён, он стоял с краю, ожидая, как принцесса подойдёт к нему и он без стеснения прижмёт её к себе. И пусть в танце не обязательно обнимать так крепко, как он хотел, он бы сделал это на глазах у Демона. Назло ему. Принцесса легко читала эту жажду обладания в его глазах. В такие моменты она переставала видеть в нём того самого друга детства, а видела лишь хищника, смотрящего на неё как на кусок мяса. Этот взгляд ни с чем нельзя было спутать.

Но, несмотря на все уговоры и аргументы придворных, Иллира, как всегда, всё решила по-своему.

В два изящных поворота она приблизилась к колонне и протянула Келиору свою руку. Её карие глаза горели уверенностью, а в движениях не было ни одной лишней ноты.

— Этот лживый замок не развалится, если вы отойдёте от колонны, а вы не превратитесь в павлина после одного танца со мной, — тихо сказала она, ожидая, когда он коснётся ладонью её протянутой руки. Танец был несложным, не сложнее тех смертоносных па, что он выполнял на поле битвы. Он не опозорит её. Он её будущий муж, а не чудовище!

Келиор опустил взгляд на протянутую ему руку. Правую. С тем самым браслетом, сделанным специально по заказу принцессы для этого бала. Точно кусочек его собственного нагрудника, который он снял сегодня, решил вернуться к нему на её запястье. Она слышала коллективный вздох гостей и почти чувствовала, как камни на её позвоночнике раскаляются от гневного взгляда Кассиана, но всё её внимание было приковано к бледному лицу, так редко выражающему какую-нибудь иную эмоцию, кроме презрения или сарказма.

Император медленно отделился от колонны и накрыл девичью руку своей, привычно закованной в перчатку. В каждом его жесте и прикосновении чувствовалась власть и сила. Это он решил вывести её на площадку, а не она заманила его сюда. Но Иллиру забавляло это его желание быть всегда главнее.

— Посмотрим, кто будет вести в этом танце, Иллира, — тихо пророкотал Келиор так, чтобы слышала только она, и это вызвало на её губах довольную улыбку. Посмотрим. Скрипки тревожно застрекотали, нагнетая вторую часть танца. Она была жёстче, торжественнее и ритмичнее. Словно бой, в котором заведомо не было проигравших. Келиор не знал южных рисунков и не собирался заучивать известные ей движения, он вёл танец по-своему, ориентируясь на привычные ему ритмы боя и собственного сердца, удивительным образом слившиеся с ударами литавр и взрывающейся меди.

— Ты рисковала, принцесса, — прошептал он ей на ухо, прижимая к себе в очередном повороте их странного танца. — Если бы я отказался, весь этот серпентарий сожрал бы твою гордость с потрохами.

Иллира лишь покачала головой на это заявление.

— Я люблю рисковать, — честно призналась она, изящно выгнувшись в его руках и мазнув газовым рукавом по самому полу. Разгорячённой кожей она ощущала его руку и то, как он её держит. Крепко. Надёжно. — Ибо только из рискованных действий может родиться что-то по-настоящему живое и интересное, — рывком вернувшись в его руки, сказала она, смотря прямо в глаза. Дерзко, открыто. Словно она была самой ночью, что не боится его холода, а готова стать его союзником.

— Значит, ты знала, что я не смогу отказать? — продолжил он, уверенно держа руку на её спине. Он вдруг усмехнулся. — Я начинаю сомневаться в своем решении не надевать сегодня доспех, твой Кассиан скоро прожжёт во мне дыру.

Келиор точно специально развернул Иллиру так, чтобы она видела глаза кузена, полные праведного гнева, но она даже не взглянула на него, прекрасно чувствуя этот пожар и так.

— Он явно рассчитывал на этот танец, — император выпустил её из рук, но лишь для того, чтобы снова вернуть к себе, заставляя пышные лепестки юбки взлететь за спиной.

— Касси может скрипеть зубами сколько угодно, я не собираюсь потакать его желаниям, — сказала она, влетев в его грудь и словно специально нежно касаясь пальцами его щеки. Всё было по сценарию танца, но она словно приносила в каждое движение свою искру. И это будоражило.

— В тебе больше стали, чем в иных мечях, — в мужском голосе отчётливо прозвучало восхищение. — В твоём танце слишком много свободы для женщины, выросшей в золотой клетке.

— Да, я свободна, и тебе придётся с этим смириться. — Иллира вдруг отпустила его ладонь и отошла на три шага назад перед финальным аккордом. Это было время для безрас-

судства. Поддержка. Партнёр должен был подхватить её и поднять вверх. Делать такой трюк без репетиции и даже без предупреждения было не просто риском — это было безумием. Но она была готова к этому безумию, ибо отчего-то была абсолютно уверена: он её поднимет. Он поймёт, что нужно, а если нет — сделает что-то такое, что сведёт её с ума окончательно. Ещё один шаг назад. В её глазах почти сверкнули зелёные искры, и она в несколько стремительных ударов каблука о мрамор подлетела к Императору, готовая взмыть вверх. Ей было не страшно довериться ему. Она была готова довериться.

Келиор отреагировал мгновенно. Как воин он знал, как работает тело, и понял её намерение. Он сделал шаг навстречу, и едва она оттолкнулась от земли, перехватил её в воздухе. Жёстко, крепко, не позволяя инерции повернуть тело, как сделал бы любой южный танцор. Он легко держал её на вытянутых руках в этой звёздной пыли от сияющего хрусталя и затухающем звоне отгремевшей меди.

Зал растворился в общем вздохе ужаса, смешанного с восхищением. Оркестр замолчал, пытаясь отдышаться после такого напряжения. Но всё это было неважно. Иллира, замершая в пике своего триумфа в руках держащего её мужчины, смотрела в алые глаза не отрываясь.

— «Смириться», — его рокошующий голос пронзил тишину специально для неё. — Я никогда ни с чем не мирюсь, Иллира. Я покоряю.

Он медленно опустил её на мраморный пол, не убирая рук с тонкой талии. Её собственные ладони покоились на груди мужчины контрастными светлыми пятнами на чёрной коже его колета.

— Ты красиво рискуешь, — прошептал он. — Но кто взлетает так высоко, должен быть уверен в руках ловца. Уверен, что они внезапно его не отпустят. — Точно вторя своим словам, Келиор разжал руки, высвобождая принцессу из объятий, но тут же перехватил её кисть, не позволяя отойти.

Оцепеневший зал, словно ожидая этой немой команды, взорвался аплодисментами. Нервными, испуганными, до конца не понимающими, что именно только что произошло. Она заметила, как Келиор встретился взглядом с подозрительно каменным лицом Кассиана. Очевидно, что кузен пытался сдержать эмоции, и у него это получалось весьма паршиво. На лице императора не дрогнуло ни единого мускула, но алые глаза обещали расправу каждому, кто посмеет коснуться его невесты. Хотя, может, Иллира надумывала себе то, чего на самом деле не было под влиянием танца.

— Прекрасное выступление, моя будущая Императрица, — произнёс Келиор достаточно громко, чтобы его услышали люди, стоящие рядом. — Однако, думаю, танцев на сегодня достаточно. — Он уложил девичью ладонь на собственное предплечье и уверенно повёл её прочь из душного зала.

Иллира, держась за его руку, с мягким, но хранящим гордость лицом прошла на открытый балкон. Здесь приятно пахло ночью, и было заметно тише, чем в зале. Прохладный ночной воздух после душного зала, пропитанного запахами духов, пота и вездесущего жасмина, был подобен глотку чистой воды. Келиор встал рядом с ней, оперевшись о каменные перила. Её чёрное платье, сливающееся с ночью, волосы, что казались здесь почти чёрными, действительно делали их похожими — двумя тёмными фигурами на фоне слишком яркого, фальшивого Юга. Они выглядели супругами как никогда до этого.

Иллира глубоко вдохнула, отпустив руку императора и встав рядом.

— Я рада, что вы подхватили меня, Келиор, — сказала она, и голос её ещё хранил тот огонь танца, что горел в ней только что. — И, — она обернулась, заглядывая в его алые глаза, — я уверена в ваших руках. Не знаю почему.

Она была такой открытой и честной, что это почти болезненно разнилось со всеми лживыми улыбками, которые мужчина видел в зале.

— Ты слишком легко раздаёшь своё доверие, Иллира, — со вздохом произнёс император и провёл рукой по своему лицу, точно пытаясь стереть наведённый ей морок. Он сомневался в ней или, скорее, опасался её наивности. — На севере доверие — это монета, которой платят лишь один раз. Ошибёшься — и второй жизни, чтобы всё исправить, не будет.

— Так не только на севере, Келиор, — спокойно ответила принцесса.

Они молчали. Смотрели на раскинувшийся под ними тёмный ночной сад, слушали редкие переключки вечерних птиц сквозь гул толпы и музыки, доносящийся из зала, и молчание это не было удушающим. Оно было комфортным.

— Почему вы выбрали чёрный? — вдруг спросил Келиор, поворачиваясь к ней. — В зале нет ни одной дамы в этом цвете, а вы... — он усмехнулся. — Это чёрное платье — траур по вашей судьбе или... — Мужчина наклонился к ней ближе, практически касаясь выдыхаемым воздухом её щёк. Его глаза сейчас казались тёмными провалами на лице, что затягивали в самую глубину. — Или это знак лично для меня?

Принцесса лишь загадочно промолчала, не отводя глаз и слегка наклонив голову набок. Она не желала ни подтверждать, ни опровергать ни одну из версий. В конце концов, он всё равно назвал правильную.

— Я...

— Ваше Императорское Величество, — голос Кассиана ворвался в их уединённый кокон, с оглушительным звоном разбивая ту хрупкую интимность, что возникла между ними. — Мне очень жаль прерывать столь живописное уединение, — буквально промурчал он, отчего к горлу принцессы подступила тошнота, и, если бы не прохладный воздух, её бы, вероятно, мутило ещё сильнее. — Но король Фирон просит Императора и будущую императрицу пройти к праздничному столу. Время для прощальных тостов.

Келиор, не удостоив его ответом, в упор смотрел на ту, которая только что мирно беседовала, а сейчас выглядела явно...

— Кузина, вам нездоровится? — с притворным волнением, которое ощущалось даже без лиорнской крови, спросил Касси и потянулся к её оголённому запястью.

Иллира по-настоящему испугалась за своё самообладание. Ни мята, ни её хваленая выдержка просто не выдержат прикосновения той мерзости, которую сейчас видела в нём кровь лесной девы. Но от этого прикосновения её спас Келиор, одёрнувший её на себя и оградивший от бывшего друга.

— Передай Фирону, мы сейчас будем, — холодно произнёс Демон, отправляя кузена прочь. Тому оставалось лишь с поклоном удалиться с балкона. — Ты в порядке?

— Сейчас да, — честно ответила она, вздохнув полной грудью, как только лживая фигура ушла.

Мужчина кивнул и, подхватив её под руку, направился следом за кузеном.

Будущие супруги сидели на почётных местах по правую руку от короля Фирона. Зал гудел разговорами как встревоженный улей. Гости всё ещё обсуждали их совместный танец, кто-то упомянул недавние соревнования по стрельбе из лука. Келиор о чём-то негромко переговаривался с отцом, вяло отвечая на его болтовню, и слегка постукивал по кубку с вином, из которого ни разу не пригубил. Принцесса почти расслабленно выдохнула, как вдруг кожа на её левой руке покрылась мурашками. К ним подошёл Кассиан. Она бросила на кузена быстрый взгляд и снова вернулась к ничего не значащей беседе с графиней Жезолин. Про себя же она отчаянно пыталась понять, что случилось с её Касси? Почему её друг, которому она доверяла, вдруг стал тем, от кого у неё волосы вставали дыбом? Словно он задумал что-то...

— Мой Император! — громко произнёс кузен, и все разговоры мгновенно стихли.

Принцесса не стала задирать голову и лишь слегка повернула её в сторону друга, а Келиор же медленно смерил его презрительным взглядом. Кажется, ему он тоже не нравился.

— Позвольте в эту жаркую южную ночь предложить вам «Слезу Сельфиды». Это редкое освежающее вино, настоящее на мяте, белом мёде и цветах бузины. Оно освежает разум и успокаивает кровь. Мы предлагаем его только самым... почётным гостям нашего королевства в знак полного доверия и мира.

Чем дольше говорил кузен, тем хуже становилось Иллире. Он явно мешал ложь с правдой, но в таких тонких пропорциях, что даже её кровь не могла вычислить угрозу наверняка. Касси отлично знал, что нужно говорить рядом с ней... Иллира незаметно поднесла к своему лицу правую руку. В стальном браслете была спрятана колба с мятным маслом, которая сейчас окутала её лицо освежающей прохладой. Мимо нее пронесли хрустальный кубок с вином, подёрнутым инеем, который предназначался императору.

В нос ударил запах ванили. Совсем тонкий, легко ошибиться. Как легко и спрятать его под плотным слоем мяты. «Сельфида» не пахнет ванилью, так пахнет Чёрная калла, которая входит в состав «Шёпота вдовы».

И если это он, то Касси жаждет опозорить её будущего мужа. «Шёпот» парализует нервную систему на несколько часов. Ты всё понимаешь, всё чувствуешь, но твоё тело становится ватным, безвольным. Даже если она ошибается, рисковать нельзя.

Келиор спокойно протянул руку к кубку, собираясь осушить его, но она решительно накрыла его ладонь своей.

— Дорогой кузен, — начала она с открытой мягкой улыбкой, глядя на своего некогда друга.

Принцесса почувствовала, как ладонь в кожаной перчатке напряглась под её пальцами.

— Как ты можешь угощать гостя таким ценным напитком, не испив его первым? По нашим традициям первый глоток всегда достаётся тому, кто подаёт напиток. — принцесса осторожно перехватила хрусталь. — Ну же, Кассиан, докажи, что это знак доверия и мира, — использовала она его же фразу и всё с тем же выражением лица вернула вино кузену.

Если она ошиблась, то он просто отопьёт «Сельфиду» и насладится её вкусом. Но кровь лиорнов очень редко ошибается.

За главным столом повисла звенящая тишина. Музыка вдалеке ещё играла, но те, кто сидел рядом — сам король, несколько министров и Келиор — замерли.

— Иллира, — фамильярно назвал он её по имени, явно выдавая своё волнение. Его пыльный взгляд метался от Иллиры к королю и обратно, пытаясь найти хоть в ком-нибудь поддержку. — Традиции, конечно, важны, но мне не пристало пить из кубка самого императора. Это было бы крайне...

— Ты что, боишься того, что здесь налито? — напрямую спросила она, поднимаясь в полный рост и протягивая хрустальный кубок.

Теперь было отчётливо ясно, что вино Кассиан в любом случае выпьет. Краем глаза она отметила, что отец тяжело задышал и стал отводить глаза в сторону. Бойтся. Интересно, знает или просто опасается скандала? Скорее всего, второе.

— Пей, Кассиан, — пророкотал Келиор за спиной своей невесты. — Нельзя нарушать традиции юга. Если принцесса велела тебе пить, ты будешь пить. — Он говорил спокойно и неотвратно. Холодная констатация факта, который уже ничто не исправит.

Дрожащими руками Кассиан обхватил запотевший хрусталь, и перед тем, как сделать свой глоток, гневно посмотрел на Иллиру.

В первые мгновения ничего не происходило. Кассиан стоял прямо, улыбался дрожащими губами, как вдруг кубок вылетел из его руки, разлетевшись о мраморный пол, а сам кузен начал медленно заваливаться на пол, нелепо пытаясь ухватиться за стул уже ослабевшими пальцами.

Значит, она оказалась права.

— Касси! — воскликнула она и прижала руку к груди, приподняв брови и изобразив на лице ужас.

Сейчас нужно было действовать очень аккуратно. Врать было нельзя, как и сказать правду, о которой она догадалась.

— Боги, кузену, верно, стало дурно. Сегодня душно, и это вино, видимо, оказалось ему не по плечу, — негромко проговорила принцесса.

Король коротко щёлкнул пальцами, и двое стражников подхватили обмякшего мужчину, пускающего тонкую ниточку слюны, под руки, и унесли из зала.

— Думаю, нам не стоит омрачать праздник этим событием, — тактично, но уверенно произнесла принцесса. — Со всеми может случиться конфуз.

Зал охотно загудел вновь, будто пытаясь утрированным весельем скрыть тот холодок ужаса, что явно почувствовали все присутствующие.

Принцесса опустилась на свой стул и повернула голову на будущего супруга. Тот смотрел на неё с редким для его лица светлым выражением, а затем взял серебряный кубок, к которому не притрагивался весь вечер, и, отсалютовав ей, сделал уверенный глоток.

— Твои змеи играют грубо, принцесса, — почти прошептал он, наклонившись к самому её уху. — Но твой ум оказался острее. — Он чуть отдалился, бросив мимолётный взгляд на полные губы Иллиры и вновь возвращаясь к карим глазам, что сейчас смотрели прямо перед собой.

Она слушала его и параллельно отвечала на чей-то комментарий лёгким кивком.

— Что это было? Смертельный яд, о котором ты решила промолчать, или что похуже?

— Не яд и не смертельный, — всё с той же улыбкой, адресованной гостям, тихо ответила Иллира. — Это была глупая шутка моего кузена, но он, видимо, запомнил. — она повернула голову на Императора и продолжила, глядя в алые глаза. — Что у меня отличный нюх, и я тоже люблю пошутить. Пейте вино, мой Император. — Принцесса вновь отвела взгляд на гостей. — Кузен не побеспокоит вас как минимум ещё два часа.

Император тихо поставил кубок на стол, не отрывая заинтересованного взгляда от невесты. А потом издал тихий короткий смешок.

— «Шутка», значит... Что ж, у твоих людей специфическое чувство юмора. Не могу сказать, что оно мне не нравится.

Пир продолжался, но атмосфера в зале была безнадежно отравлена «Шёпотом вдовы». Люди, отчаянно пытающиеся успокоить друг друга разговорами ни о чём, то и дело бросали опасливые взгляды на Келиора и Иллиру. А король Фирон совсем затих, почти беззвучно перебирая свои драгоценные счёты. Он сейчас выглядел особенно жалко в этом ярком наряде на фоне дочери и её будущего мужа.

Когда ужин подошёл к концу, Келиор встал и властно протянул руку Иллире.

— Я провожу вас в покои, принцесса, — произнёс император, и голос его был очень далёк от учтивости. Скорее это звучало как факт, который не подлежит обсуждению.

Вскоре гам зала остался позади, а два тёмных силуэта, сливающихся с южной ночью, возникли в прохладном коридоре дворца. Они шли молча, и это выглядело чинной прогулкой ровно до того момента, как они подошли к дверям её покоев. Здесь он почти грубо развернул принцессу, отчего юбки её платья взметнулись в стороны, и прижал к стене, лишая пути к отступлению.

— Сегодня ты спасла не только мою честь, Иллира, — вполголоса начал он. — Ты спасла этот город от пожара. Если бы шутка твоего кузена удалась, к утру от этого замка остались бы только угли. — она попыталась сделать шаг в сторону, но Келиор ещё явно не закончил разговор. Его рука преградила ей путь. — Где ты научилась этому? Ты ведь определила яд по запаху, правильно? Вряд ли такому учат придворные дамы.

— Как много вопросов, как мало ответов, — ответила она, более не пытаясь уйти, а наоборот, расслабившись и глядя прямо в глаза. Хмель придавал смелости и игривости её настроению. — Вот для этого мы и остались здесь на неделю. Чтобы узнать друг друга. Знаете ли,

Келиор... — Иллира протянула руку и осторожно провела ею по вышивке на его колете. — Супруги делают так, прежде чем заключить брак. Но на один вопрос я, пожалуй, отвечу. — Она стояла, зажата между стеной и самим императором, но выглядела при этом так, словно могла уйти в любой момент. И стоит тут просто потому, что хочет. — Вы правы, отличать вина по запаху не учат придворные учителя, этому обучает сама жизнь при дворе. И жизнь эта — очень строгий учитель.

Келиор замер, вслушиваясь в её слова. Лёгкий тон и тот смысл, который она вкладывала в них, слишком разнились.

Он медленно, почти неохотно, отстранился, с тихим шорохом убирая руку со стены, и отступил на полшага назад. Келиор не отводил от неё внимательного взгляда, в котором не было вражды или холода, а лишь живой интерес.

— «Жизнь при дворе»... значит, твои змеи жалят не только чужаков, но и своих. Что ж, признаю. — Он тихо выдохнул. — Ты прячешь свои шрамы от укусов лучше, чем я. — Келиор вдруг протянул руку и почти невесомо коснулся её щеки пальцами, вечно закованными в чёрную кожу. — Неделя, чтобы узнать друг друга. — Он убрал руку и сделал шаг назад, возвращая лицу привычное холодное выражение императора. — Ты права. Эта неделя оказалась полезнее, чем я думал, — произнёс он и ушёл прочь, нервно сжимая руку, которой только что касался её щеки.

Принцесса ещё какое-то время просто стояла, прижавшись к холодному камню и пытаясь прийти в себя. Щека пылала от этого мимолётного касания, тело ныло от танцев и целого дня среди лжи, а в голове мерным сиянием сверкало осознание того, что она действительно готова связать свою жизнь с этим человеком.

С этими мыслями она открыла тяжёлую дверь.

— Здравствуй, лисичка, — раздался мелодичный голос Джины, и на губах принцессы расцвела улыбка. Настоящая.

Глава 6. Гнилые ветви

Тихий щелчок ключа в замочной скважине раздался в раннем утре почти незаметно, сливаясь с шумом одичавшего в этой части сада. Солнечный свет пробивался сквозь пыльные витражи старой спальни королевы Видилии. Это были ее личные покои, ее убежище в этом коконе из лжи, которым постепенно стал замок. Он ведь не всегда был таким. Когда-то здесь смеялись и радовались по настоящему. Когда-то не семью можно было назвать счастливой. Для Иллиры же это убежище было местом ее боли. Местом смерти матери и местом, где она в семнадцать лет едва не лишилась жизни, пытаясь влить в родное тело свои крошечные силы.

— Я освобожу стол, — тихо проговорила Джина и принялась убирать со старого рабочего стола пыльные реторты и колбы.

— Да, конечно, — кивнула принцесса, медленно подходя к кушетке матери, что так и стояла в углу этой пропахшей пылью и травами комнаты. Они пришли сюда по делу, а не праздно предаваться тяжелым воспоминаниям. Но это не мешало памяти подкидывать все картинки вновь.

Это произошло пять лет назад.

Лиорнская кровь — штука для людей, мягко говоря, неприятная. Особенно когда она смешивается с ложью, алчностью, жадностью и прочими проявлениями человеческой природы. Лиорны — чистые существа по своей сути и могут иметь детей только с такими же чистыми людьми. А их в мире, увы, очень немного. Иллира знала, что таким был ее прадед, дед уже был менее светлым, а отец... что и говорить, война и ужас сильно изменили его не в лучшую сторону. С каждым поколением кровь лиорнов была по своим носителям всё больнее. Особенно когда носители такой крови пытались использовать силы или, не приведя Единый, лгали. Древесный сок отравлял сразу и без возможности спастись. Если не нарушать правила, можно было вполне нормально жить, но порой не нарушать их почти невозможно. Особенно когда ты королева.

— У меня всё готово, начнем? — позвала Джина, отрывая Иллиру от созерцания промятой узкой кушетки, будто еще хранившей очертания усохшего тела.

— Да, разогрей воду и начинай медленно выпаривать смолу, я займусь растиранием жемчуга, — распорядилась принцесса, и девушки стали методично и вдумчиво создавать одну очень важную для Иллиры вещь.

Скрип пестика по ступке и это равномерное бульканье вперемешку с почти удушающим запахом трав вновь заставили нырнуть обратно.

«Мама, дыши, дыши, пожалуйста...»

Пять лет назад лиорнская кровь победила человеческое упрямство. Но Видилия долго боролась. По молодости с ней все было неплохо. Она была яркой и цветущей королевой, украшающей любой праздник своим присутствием. Но с рождением принцессы её тело начало реагировать на всё сильнее. Будто создавая новую жизнь, королева отдала ей слишком много силы или, может, чистой крови... а может, она неосознанно заключила сделку с природой во время родов? Этого теперь уже никто не скажет, важно одно. Её жизнь висела на волоске, и если бы не её друг Роланд, молодой и отчаянный лиорн, что спас её, едва не погибнув сам, Иллира, верно, росла бы сиротой. Роланд был с матерью всегда, на каждом шагу. Он следил за тем, чтобы её древесный сок не отравлял хрупкое тело, делился с ней собственной силой и был живым спасением для её израненной души. Но всё кончилось, когда далекая война на севере начала тенью наползать на юг. Сначала на лиорнов просто косо смотрели, потом их начали гнать, и наконец на их шеи надели сдерживающие ожерелья. Империя вместе с церковью Трех свечей отлично поработали над тем, чтобы очернить лесной народ.

Это было на самом деле не так уж и трудно. Они выглядят не как люди, в них есть сила, которую люди не понимают, и, наконец, в них есть чистая природная жестокость, которую люди откровенно боятся. Это трудно отрицать.

— Смола готова, — позвала Джина.

Было жарко. Капля пота лилась по лицу принцессы, и она торопливо стерла ее тыльной стороной ладони.

— Умница, меняемся, — скомандовала Иллира. — Я буду смешивать, а ты подготовь серебряный мох.

— Хорошо.

Пять лет назад. Король Фирон, поддавшись общим веяниям и страху перед надвигающимся гневом империи, официально отослал Роланда в леса. Хотя все прекрасно понимали, что этот верный лиорн ни за что бы не уехал сам. Все понимали, что Роланда просто убрали из чистой жизни королевской семьи как позорное пятно связи с диким лесным народом. Знал ли король, что без Роланда мать не протянет и года? И да и нет. Он видел, что лиорн помогает ей, но думал, что его лекари справятся не хуже. А лекари пичкали королеву укрепляющими отварами от малокровия, старались поддерживать её жизнь припарками и мазями, но... в итоге лишь продлили её мучения.

— Добавляй, — Джина медленно начала выкладывать в смесь растолченный и пропаренный мох. Мазь становилась густой, пахучей и слегка сияющей от толченого жемчуга. Иллира довольно улыбнулась, любуясь результатом их совместного труда. Теперь нужно было выпаривать смесь еще около часа, а потом дать остыть, добавляя экстракт алоэ. Они должны были закончить как раз к закату.

— Ты думаешь о матери, да? — как всегда проницательно спросила Джина. Иллира этому даже не удивилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.